

Мой отец не вернулся с войны...

16

63.3(2P-47)
В М74

70 — летию Победы в Великую
Отечественную войну посвящается

Мой отец не вернулся с войны

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ ПОГИБШИХ ВОИНОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Автор проекта и составитель: Груздева Анна Ивановна,
председатель Верещагинского филиала Пермской
региональной общественной организации
«Память сердца». Дети — сироты
Великой Отечественной войны».

299929

Верещагинская ЦСБ
Пермской области

АБ

Верещагино, 2013 г.

Редакционный совет

Зверева Ф.В.
Марамыгина С.Г.
Груздева А.И.

Благодарим за помощь в издании книги
директора ООО «Печатник»
Тиунова Михаила Ивановича.

Выражаем благодарность
информационно-библиографическому
отделу Верещагинской центральной районной
библиотеки.

Оформление обложки: Зверева Ксения Арнольдовна
Набор текста: Мусихина Татьяна Сергеевна,
Марамыгина Светлана Георгиевна

Уважаемые земляки!

В ваших руках книга о судьбах сирот, их отцах и дедах, которые приняли неравный бой с лютым врагом в годы Великой Отечественной войны и пали смертью храбрых ради будущего, отдав свою жизнь за нас.

Низко поклонимся перед памятью павших, чья жизнь оборвалась по злой воле войны.

Из глубины сердца молитвенное слово всем матерям, женам времени войны. Сколько горя, зла, несчастья пережили они, получая слепящие, как молния, похоронки на

отца, мужа, сына, дочь, Потомки будут благодарны им.

Будем помнить всех, кто пролил кровь в родную землю.

Первыми погибли пограничники. Ведь в начале войны красноармейцы шли в бой только с трехлинейной винтовкой да сапёрной лопатой. Земной поклон им!

Легендарная Прохоровка восславил наших танкистов. Они умирали заживо в горящем танке.

Ужас наводили на врага наши моряки в полосатых тельняшках с возгласом «Полундра!» Вечная им память!

Бог войны – артиллерия с пушками, гаубицами, самоходками и «катюшами» била врага за слезы наших матерей, за горе и разорение. «Сорокопятки» прямой наводкой принимали бой до последнего снаряда. Царство им небесное!

Бесстрашные подвиги в годы войны совершали партизаны, летчики, разведчики, врачи, медсёстры и труженики тыла. А какой ужас перенесли попавшие в плен!

Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым.
Поклонимся и мертвым, и живым.
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья....

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Перед вами книга воспоминаний детей погибших защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны, живущих в Верещагинском районе. Их авторы рассказывают о своих погибших отцах, о своём нелёгком военном и послевоенном детстве. Они не слышали взрывов бомб, не видели чудовищного злодеяния фашистов над мирным населением, но в полной мере испытали все невзгоды военного времени: холод, голод, нищету. Все, кто мог хоть что-то делать, голодные, полурядные, разутые, трудились с утра до вечера, внося свой вклад в приближение победы. Они знают цену хлебного колоска, вкус лебеды, гнилой картошки. Их самой большой мечтой было желание досыта поесть. Гибель отцов стала незаживающей раной в их нелёгкой судьбе. В тяжёлых испытаниях они сумели сохранить в себе лучшие человеческие качества: доброту, честность, порядочность. Судьбы, описанные в книге, очень похожи, так как в военные годы не было неравенства среди людей, особенно тех, кто испытал сиротство.

Кем были до войны отцы осиротевших детей, как жили, работали, отдыхали, отправлялись на войну, как мечтали живыми вернуться домой, об этом написали авторы воспоминаний, сейчас уже старики в возрасте 70-80 лет. Если в Верещагинском районе после войны было несколько тысяч детей-сирот, то сейчас осталось примерно двести человек. Многих уже давно нет. Страданий им хватило не только в войну, но и в послевоенное время. Большинство из сирот, не достигнув совершеннолетия, наравне со взрослыми впрягались в тяжёлую работу, следуя патриотическому лозунгу: «Всё для фронта, всё для Победы!» Сколько пришлось им испытать, хватило бы не на одну жизнь.

Их отцы отдали свои жизни, защищая Родину. Они надеялись, что государство позаботится об оставшихся в тылу семьях. Но этого не произошло. После Победы осиротевшие дети завидовали своим сверстникам, отцы которых вернулись с фронта живыми, их дети были сыты, одеты, имели возможность получить среднее или высшее образование. А сироты войны вынуждены были самостоятельно решать послевоенные проблемы, рано вступать во взрослую жизнь, не имея возможности после окончания школы продолжать учиться дальше.

Великая Отечественная война – это время, когда наша страна стояла на краю пропасти. Долгих 1418 дней, 27 миллионов советских людей, погибших в этой кровавой мясорубке, десятки миллионов сирот – такова цена Победы. Пусть эта книга будет своеобразным памятником погибшим воинам и волнующим подарком живым.

Груздева А.И. Председатель Верещагинского филиала Пермской общественной организации «Память сердца»

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОВЕСТЬ

Уходит в историю самая жестокая, кровопролитная, освободительная Великая Отечественная война. Не было бы Победы – не было бы нашего государства, многим не суждено было бы родиться. В государственных структурах власти, в комитете Российской ветеранской организации начинается подготовка к 70-летию юбилею Победы. Это торжество победителей – участников войны (приравненных к ним), которым выпало великое счастье вернуться домой, воспитать детей, дать им образование, помочь в становлении на ноги, быть в почете, иметь внимание со стороны государства, общества, возможность внукам, правнукам гордиться наградами своих дедов, прадедов, писать о них, имея поддержку властей и средств массовой информации.

Но есть другая сторона Победы – цена Победы. Это нераскрытые страницы Великой Отечественной войны. Об этом не говорится ни в День Победы, ни в День памяти и скорби. На полях сражений покоится восемь миллионов советских воинов, отдавших свои жизни за Родину, за жизнь живущих и будущих поколений. Им только общие памятники, минута молчания да слова: «Никто не забыт и ничто не забыто». Они лежат и не знают, какую память заслужили. Обратная сторона медали «За Победу» – это искалеченные судьбы семей погибших защитников Отечества, брошенных государством на произвол судьбы.

Вдовы погибших воинов в основном уже ушли в мир иной (уже не значатся в законе «О ветеранах»), так и не услышав слов признательности за их совершённый нравственно-трудовой подвиг. Дети погибших защитников Отечества не получили от государства ни компенсации за погибшего кормильца, ни помощи в образовании, ни в обеспечении жильём. Они входили во взрослую жизнь с наследством сиротства, с постоянными жизненными проблемами, с передачей их своим детям, внукам и правнукам, у которых ни одной медали в память о гибели за Родину их дедов и прадедов.

При создании федеральных законов ни власти, ни ветераны не вспомнили о семьях погибших воинов.

Вместо достойной старости нам в возрасте от 67-85 лет приходится бороться за свои права, создавая общественные

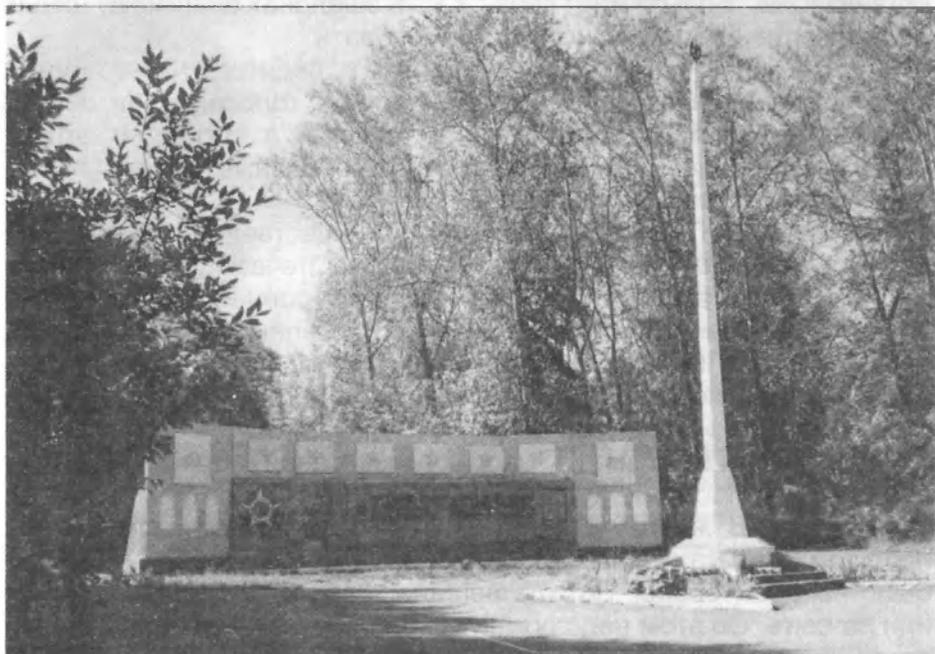
организации. Борьба идёт снизу, т.к. в эшелонах власти нет наших единомышленников, нас некому лоббировать.

Слышали бы власти, ветераны – победители голоса живых вдов, состарившихся детей погибших воинов, голоса скорби, обиды; видели бы слёзы за беспамятство властей к погибшим отцам, судьбам их семей, пожизненно несущим моральные, материальные и физические страдания.

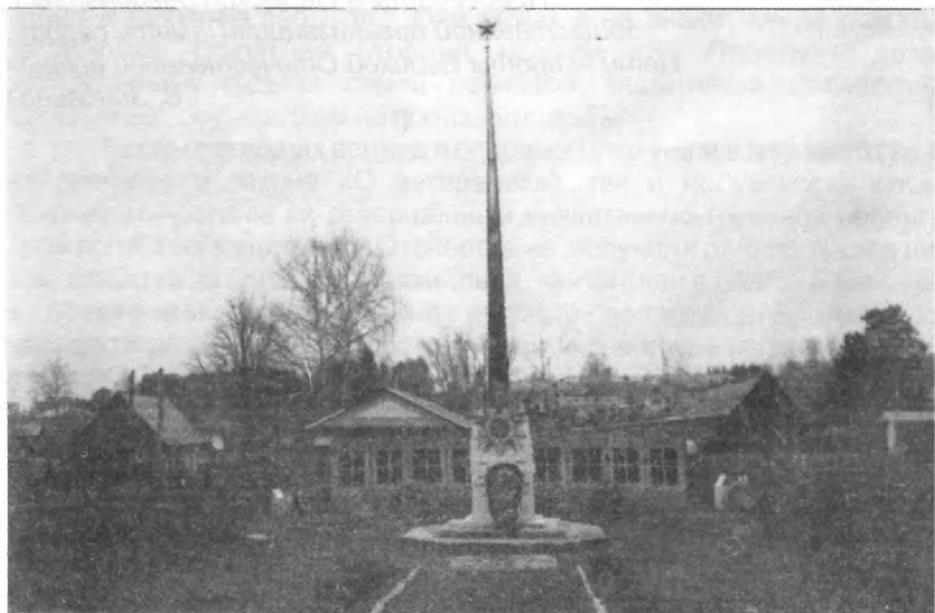
Семь лет Пермская региональная общественная организация «Память сердца. Дети-сироты Великой Отечественной войны» добивалась статуса на региональном уровне закона «Дети защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны». Закон ПК-806 принят, вступил в силу с 01.01.2012 года. Это первое моральное удовлетворение, что на уровне Пермского края вспомнили о погибших воинах.

Начало Победы было заложено массовой гибелью советских воинов под Москвой, Курском, Сталинградом, снятием блокады Ленинграда. В жестоких, нечеловеческих условиях выстояли, не пропустили врага и пошли победной поступью на Берлин. Вот где было начало Победы. Вот где решалась судьба государства: быть или не быть. Об этом надо помнить, говорить и писать, какой ценой досталась Победа в Великой Отечественной войне.

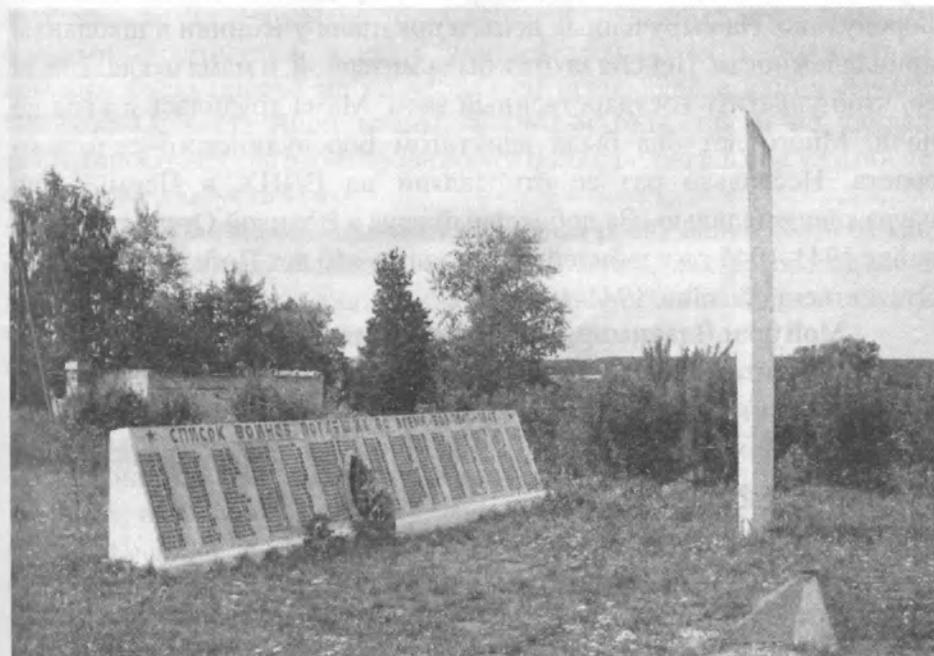
*Председатель Пермской региональной
общественной организации «Память сердца.
Дети – сироты Великой Отечественной войны»
В. Зиновьева*

г.Верещагино

п.Зюкайка

Семьчевское поселение

ОТ ГОЛОДА СПАСАЛ ОГОРОД.

Валентина Павловна Агеева

Жили мы в деревне Федулино Бородулинского сельского совета. Родители работали в колхозе. Мой отец Невзоров Павел Петрович погиб в самом начале Великой Отечественной войны. Я родилась в августе 1941 года, когда папы уже не было в живых. Фотографий не осталось. А мне так хотелось хотя бы представить, каким он был. Была жива его сестра, моя тетя, и мама говорила: «Вот смотри на тетку и представляй образ отца, они очень похожи». Я даже увидела его однажды во сне. У папы с мамой было четверо детей. Две старшие сестры Рая и Дуся умерли от голода. Нас у мамы осталось двое: брат Владимир 1939 г.р. и я. После войны мама родила еще дочь Лилю.

Ели головки клевера, гнилую картошку. Ходили в лес заготавливать дрова, пилили ручной пилой, коров пасли у соседней за еду. Летом собирали ягоды, грибы, продавали их на станции Бородулино. На вырученные деньги покупали учебники и школьные принадлежности. Пенсия за отца была мизерной, и мама откладывала ее, чтоб уплатить государственный заем. Мама трудилась с утра до ночи. Много лет она была депутатом Бородулинского сельского совета. Несколько раз ее отправляли на ВДНХ в Пермь. Она награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.» и юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.»

Мой брат Владимир до армии работал трактористом в колхозе, а потом строителем. Жил в Губахе. Сейчас его уже нет в живых. А обо мне расскажет статья Вадима Аксарина, опубликованная в газете «Заря» № 32 от 12.08.2011 г. «Когда холодные стены хранят тепло человеческих рук».

«Валентина Павловна Агеева — человек известный и уважаемый не только в нашем городе и районе, но и далеко за его пределами. Судите сами: ещё в далёком 1981-м году, в январе, она — единственная из Пермской области — была удостоена чести поехать в Москву, в Звёздный городок. Там Валентине Павловне, как победителю соцсоревнования, вручили Почётную грамоту и Звёздный вымпел «Герои космоса — гвардейцам пятилетки». О той памятной и волнительной поездке напоминает теперь фотография из семейного альбома...

В.П.Агеева

Приход в профессию для юной Вали не был случайным, строителями (а точнее, разнорабочими) трудились её двоюродные сёстры. Безусловно, их пример и вдохновлял, и являлся основополагающим в выборе дела всей жизни. Да и времена тогда выдались сложные и суровые. За плечами - семилетка, а ехать учиться дальше пятнадцатилетней девушке было просто не на что. Отец погиб ещё в самом начале Великой Отечественной войны, в 1941-м году, так и не увидев защитник Отечества свою кровиночку Валу: родилась она уже после его гибели, в августе 41-го.

Понятно, маме поднимать четверых ребят одной было ох как нелегко! Не успела оплакать погибшего мужа, как вскоре одна за другой умерли две старших дочери. Оставшихся в живых сына и младшенькую дочь берегла, как зеницу око. Чтобы худо-бедно прокормиться, брат Валентины стал работать трактористом в колхозе, а сама она «пошла в няньки». Но не понравилось девушке «жить в няньках», о чём твёрдо заявила маме. «На стройку пойду!» — решила тогда Валентина.

А началась её славная трудовая биография с того самого момента, когда в 1957 году участвовала она в строительстве кинотеатра «Комсомолец», городской бани. Потом была подсобной рабочей у каменщиков. Чуть позже в Закамском ремесленном училище выучилась на штукатуря.

На фото: Невзорова Ирина Ивановна – мама Павла Петровича, Владимир Павлович и Валентина Павловна Невзоровы

Получив профессию, вернулась в родной город, с которым и связала свою дальнейшую судьбу. Сначала работали небольшими, из трёх-пяти человек звеньями. Потом перешли на бригадный метод работы. Тут в полной мере и проявился талант Валентины Павловны, как умелого и требовательного бригадира. Согласитесь: руководить коллективом в сорок два человека не каждому по силам. Но Валентина Павловна справлялась.

Однако не одной лишь работой жила она. Была членом облсовпрофа, постоянно участвовала в различных конференциях и совещаниях. То-го случился в бригаде настоящий переполох, когда их наставника Валентину Павловну Агееву показывали по телевизору! Её общий

трудовой стаж в строительной отрасли составляет тридцать пять лет! Вы только представьте себе: все тридцать пять лет и в зной, и в стужу работала, не покладая рук. Это при её участии возводились здания нынешнего райсуда, военкомата, гостиницы; многоквартирные дома по улице Карла Маркса, школа № 1, «Юбилейный»... Радует сердце Валентины Павловны, когда, проходя или проезжая мимо возведённых ею много лет назад домов, видит она их «в полном здравии и благополучии». И кровью обливается, когда наблюдает, как по кирпичику растаскивают сложенные ценой невероятных усилий постройки. Так случилось, к примеру, с животноводческим комплексом, что находится в «пригороде» села Вознесенского - Оськино.

Труд её по достоинству оценён был Советским государством (в чём, конечно же, главная заслуга самой Валентины Павловны): она - победитель соцсоревнований 1973-го, 1975-го, 1976-го, 1978-го,

1979-го, 1980-го годов. Есть в её активе знаки «Отличник социалистического соревнования» и «Ударник IX пятилетки». Но самая дорогая награда - орден Трудовой Славы III степени.

Мы от всей души поздравляем и Валентину Павловну, и всех ветеранов строительной отрасли, и ныне работающих каменщиков, бетонщиков, арматурщиков, штукатуров- маляров, монтажников - в общем, всех-всех строителей - с их замечательным профессиональным праздником! Доброго здоровья всем вам, счастья, любви, удачи и долгих лет жизни! Низкий поклон вам за ваш созидательный труд!"

На фото: Невзорова Елена Егоровна – жена Невзорова Павла Петровича

МЫ ИЗ ВРЕМЕНИ ГРОЗНЫХ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Кiryukhin Георгий
Кондратьевич

Балуева Маргарита Георгиевна

Мой отец Кирюхин Георгий Кондратьевич родился в 1915 году в Московской области. Мама Кирюхина Ольга Александровна тоже с 1915 года. Мы жили сначала в Кунгуре. А 1939 году переехали в город Верещагино. Отец устроился работать в Верещагинскую промартель имени «7-го ноября» заведующим чемоданной фабрики. Мама не работала, воспитывала нас, двух детей. В 1940 году родился мой младший брат.

Началась война. Папа ушел добровольцем на фронт. Мама сразу же устроилась на работу в эту же организацию. Нас детей было некуда, и мы сидели дома одни. Мне было тогда семь с половиной лет, Анатолию - три года, Валентину - один год. Жили в маленькой избушке. Было очень холодно, т.к. не было дров, и мы целыми днями лежали под одеялом. И только вечером, придя с работы, мама топила печку и кормила нас. Иногда днем приходила к нам старенькая бабушка, соседка. В 1941 году мне надо было идти в школу, но не пришлось: не с кем было оставлять маленьких братьев.

Балуева Маргарита
Георгиевна

В 1943 году мы получили извещение, что отец пропал без вести. Все наши надежды, что папа вернется с войны, в одночасье рухнули. Надо было как-то выживать. В этом же году маме выделили земельный участок под строительство дома. Отец до войны был охотником, поэтому у нас были его ружьё и кое-какое снаряжение. Все это, еще другие стоящие вещи, швейную машинку мы отдали за избушку, в которой жили, т.е. выкупили её.

Мама вместе с подругами перевезли эту избушку на

земельный участок и построили небольшой домик.

Все женщины тогда работали по десять - двенадцать часов. А если давали иногда выходные, то они ходили в госпиталь, приносили домой солдатскую одежду и стирали ее.

Жили мы очень бедно. Мама целыми днями на работе. Помню, что постоянно хотелось кушать. Одежды тоже не было. Летом мама до работы ходила в лес по грибы и ягоды. Собирали траву, особенно крапиву и пиканы. Варили это и ели. Хлеб был по карточкам. Детям давали по 250 грамм, а маме - 500 гр. Но она свой хлеб отдавала нам. От голода у нее часто случались обмороки. Если была картошка, то очистки сушили на зиму. Недалеко от нас находилась скотобаза. И когда там происходил забой скота, то женщины ходили туда, и им наливали кровь. Мама варила её, и мы ели. Зимой ходили в лес за сучьями и пнями, чтоб хоть немного истопить печь и обогреться.

После войны мама работала на фабрике, а потом поваром в садике.

В 1942 году я все-таки пошла в школу и оба брата остались одни дома. А после уроков я опять с ними нянчилась. В школе нам давали стакан чая и маленький кусочек хлеба. Когда я закончила четыре класса, мама устроила меня на работу в швейную мастерскую, где я проработала полтора года. Мне тогда шёл четырнадцатый год. А в шестнадцать лет я пришла работать на трикотажную фабрику, где трудилась швей-мотористкой, наладчиком швейного оборудования, бригадиром.

Закончила десять классов вечерней школы. В 1953 году вышла замуж, родила двух сыновей. Сейчас уже нет в живых мужа и сына, братья тоже умерли.

Живу с внуком, у него двое детей. Живем дружно, меня не обижают. Тяжелые годы выживания у меня всегда в памяти. Никому не пожелаю такого.

ВОЙНА РАЗРУШИЛА СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО.

Федор
Евстафьевич Тиунов

Белоусова Валентина Федоровна

Мой папа Тиунов Федор Евстафьевич родился в 1909 году в деревне Мосино Верещагинского района. А мама Манефья Петровна родиной из деревни Егоршата Верещагинского района. У мамы была очень большая семья (сестер и братьев – одиннадцать человек). Обе семьи были зажиточными. Держали корову, лошадь, большой огород.

Когда папа с мамой поженились, то переехали жить в Верещагино. Отец работал в НГЧ бухгалтером, где получил квартиру. Мама не работала, воспитывала нас с сестрой. Папа был отличным мастером по дереву. Сам мастерил столы, стулья, рамы для зеркал. Один стол сохранился до сих пор. Для сестренки Таси делал кукольную мебель. Нас он очень любил: домой с работы не приходил без гостинцев. Жили хорошо.

Война разрушила нашу мирную жизнь, наше счастливое детство. В сентябре 1941 года отец был призван на военную службу. Сестре Тасе было четыре года, а мне один год и четыре месяца. Поэтому папу мы не помним. Сначала жили надеждой, что он скоро вернется.

Приходили от него письма-треугольники. А в апреле 1942 года мы получили известие, что отец, находясь на фронте, погиб без вести. После гибели папы мы выживали. Помогали бабушка с дедушкой.

Я помню, как мама вставала рано утром и бежала в деревню за молоком. А это пять километров от Верещагино. Хорошо, что у нас всегда была картошка. Хлеб давали по карточкам очень мало, поэтому его ценили и берегли каждую крошку. Тася пошла в школу рано, так как мы жили рядом.

Тиунова
Манефа Петровна

Я часто в перемену прибегала к ней. Её учительница (не помню имени) всегда давала мне кусочек хлеба, посыпанный сахарным песком. В первый класс я пошла уже в другую школу, т.к. мы переехали в свой дом. Как маме удалось его купить, до сих пор загадка. Время было очень трудное. Мама работала техничкой в парикмахерской допоздна. После работы мыла полы. А мы с сестрой ее ждали. Электричества не было. Мы приходили из школы домой, забирались на печь, где спасались от холода. Учили уроки, читали книги, играли только на печи, потому что было очень холодно.

Усадьба около дома была сильно запущена. Мама её разработала. Сажали много картофеля, овощей, что помогало выживать. Дом наш и сейчас жилой, находится в центре города, за больницей.

Наша мама не только нас вырастила, но и помогла получить образование. В последнее время она работала в ОРСЕ. Все её уважали. Она была трудолюбива, очень гостеприимна, приветлива, отзывчива, доброжелательна. Она все умела делать. В доме всегда были порядок и чистота. Мама всегда была оптимистично настроена на жизнь, сильная духом, что и помогло ей выжить в войну и последующие трудные годы, вырастить троих детей. После войны она родила ещё нам брата Владимира. Мама очень любила и умела стряпать. Мы до конца жизни будем помнить очень вкусные пироги, шанежки, булочки, испеченные нашей дорогой мамочкой. Умерла она на 93-м году. Светлая ей память!

Сестра закончила школу в 1995 году и поступила в Пермское техническое училище №1. Получила специальность фрезеровщицы. В течение года работала по специальности на заводе имени Калинина в Перми, почтовый ящик №3. В 1957 году поступила в Московский полиграфический институт на заочное отделение и перешла работать в типографию. Трудилась печатницей, мастером, технологом, главным технологом в издательстве «Звезда». Её стаж более 45 лет. Имеет звание «Заслуженный работник культуры», много грамот, благодарностей. Тася очень ответственный человек. Она одна вырастила прекрасного сына Игоря. У неё есть взрослый внук Антон и

299929

маленькая внучка, которых она очень любит.

Я очень благодарна сестре за помощь, которую она оказала мне в трудное время. Мой муж Михаил болел десять месяцев, не вставал с постели. И всё это время со мной была моя любимая старшая сестра. Она помогла мне пережить это страшное горе. И после его смерти ещё три года была рядом со мной, помогая мне адаптироваться в новых условиях жизни. Я очень счастлива, что у меня есть такая заботливая, добросердечная сестра.

Ну а теперь немного о себе. Сразу после школы начала работать, поэтому мой трудовой стаж – 52 года. Закончила Пермский Государственный Университет. Десять лет преподавала химию и биологию в школе. А сорок два года трудилась в Зюкайском сельскохозяйственном техникуме сначала учителем химии, затем организатором внеклассной работы, заведующей отделением, заведующей учебной частью. Имею звания «Заслуженный учитель Российской Федерации», много грамот, благодарностей, была занесена на районную доску Почета. Вырастили с мужем Михаилом Васильевичем сына Владислава и дочь Юлию. Они закончили Пермскую медицинскую академию. Сын – врач-травматолог, заведующий отделением травматологии больницы города Чайковского. Недавно он отметил свой пятидесятилетний юбилей. Сколько хороших, теплых слов было сказано в его адрес со стороны коллег, руководства, друзей, родных. Мне было очень приятно это слышать. У него крепкая, дружная семья. С женой Еленой, тоже по образованию медицинским работником, они вырастили двух дочерей Аню и Настю, которых я очень люблю. Обе внучки уже взрослые. Живут в Москве. Аня имеет два высших образования. Младшая Настя заканчивает институт культуры.

У дочери Юлии дочь Василина и сын Ярослав. Они учатся в начальной школе. Каждое лето живут у меня. Юлия работает участковым врачом в городе Чайковском. Пользуется уважением среди больных и коллег. Дети, внучки и внук – это моя гордость.

Думаю, моим родителям было бы не стыдно за своих дочерей, внуков и правнуков. Память о наших замечательных, душевных родителях всегда останется в наших сердцах. Хочется закончить словами из стихотворения:

«Геройство других не маля,
Я славлю своё, дорогое.
Пускай и сегодня земля
Растит поколение такое!»

Рассохина Таисья Фёдоровна

Берзин
Семен Петрович

Берзина
Галина Семеновна

Была между жизнью и смертью

Берзина Галина Семёновна

Я родилась девятого января 1936 года в деревне Прокино Карагайского района, Пермской области. Мой отец Берзин Семен Петрович и мама Югова Анастасия Павловна поженились в 1935 году. Отца направили заведовать молокоприемным пунктом в деревню Старая пашня Нердвинского сельсовета, в десяти километрах от Прокино. Через некоторое время его призвали на военную службу, а мама осталась беременной мной. Когда подошло время ей рожать, то в больницу ее никто не отвез. Мама рожала меня в деревне с бабкой-повитухой. После родов у нее открылось кровотечение, которое остановить не удалось, и она умерла. Хоронила маму ее мать (моя бабушка) Югова Устиния Ивановна в деревне Зориново. У нее кроме моей мамы было еще пятеро детей от четырех до двенадцати лет. А за год до этого погиб трагически ее муж (мой дед) Югов Павел Алексеевич. Я родилась очень слабой. После похорон было решено отдать меня в соседнюю деревню Сеничи, в бездетную семью Третьяковых Петра Ивановича и Евдокии Федоровны. В январе 1936 года в двухнедельном возрасте меня, завернув в фуфайку, унесли туда. Весь год я была между жизнью и смертью,

но не умерла. Никакие родственники меня не навещали и не вспоминали обо мне. В 1939 году началась война с Финляндией, где пропал без вести мой родной отец Берзин Семен Петрович. Так я осталась круглой сиротой. Жизнь была нелёгкой.

В 1940 году маленькие деревни стали нарушать, а людей

переселять. Мои приемные родители стали строиться в деревне Зориново (Ронжино). Наше прежнее строение было крепким: изба, крытый двор, конюшня, амбар, погреб, кладовка. Разрешили перевезти только избу и клеть. Опять шли слухи о войне, поэтому со строительством торопили. Со стороны улицы поставили ворота и входную дверь, но не было крыльца, сеней и ступенек, а просто протянули наклонно две плахи. Со стороны огорода не было никакой стены, вместо нее поставили тес от крыши до земли. Заверяли, что если будет война, то недолго, потом достроимся. 22.06.1941 года грянула война. Из нашей маленькой деревни ушли все мужчины, в том числе и мой приемный отец. Остались несколько стариков, женщины и дети. Жилось все труднее, а война все продолжалась. Начальная школа была в соседней деревне. Однажды в августе к нам пришла молоденькая учительница. Все дети к ней сбежались, и она стала их переписывать. Спросила и меня: «Ты, девочка, пойдешь в школу?» Она меня записала как Третьякову Галину Петровну. Я стала прилежно учиться. От папы мы получили всего несколько писем, думали, что он погиб, но позднее мы узнали, что он был ранен в руку, стрелять не мог, и после госпиталя его отправили в обоз подвозить снаряды. Через год его тяжело ранило в шею. Когда поправился, опять служил в обозе. Наконец его ранило в третий раз: оторвало пальцы ноги вместе с ботинком, и он долго не мог ходить. В строй был не годен. И все равно таких калек переводили в трудовую армию. Папу отправили в город Керчь строить мост через пролив. Там плохо кормили, не одевали. Люди умирали как мухи.

После победы мой отец еле живой добрался домой. Узнав об окончании войны, они просто разбежались все. Мы с мамой очень радовались приезду отца. Кроме него в деревню вернулись сосед с оторванной ногой и дядя Ваня, раненный в ногу.

Окончив начальную школу, я пошла в семилетку, в село Юрич, за семь километров от дома. После экзаменов нам начали выдавать документы об окончании, для чего надо было предьявить свидетельство о рождении, которое я никогда не видела. С трудом нашли, и я принесла его в школу. Получилось, что семь классов закончила Третьякова Галина Петровна, а в свидетельстве о рождении

значится Березина Галина Семеновна. Было много трудностей, но в восьмой класс, в Нердву, я пришла как Березина Галина Семеновна. В 1953 году закончила десять классов и поступила в сельскохозяйственную академию, в город Пермь. Там я разыскала некоторых родственников моего кровного отца и узнала от них следующую историю. Оказалось, что после гибели моего папы Березина Семена Петровича ушли на фронт и погибли два его брата: Березин Матвей Петрович и Березин Иван Петрович. Их имён нет в «Книге Памяти». В 1958 году я закончила академию и стала работать по специальности в государственной сети сортоиспытания.

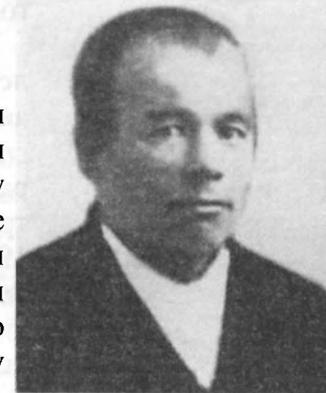
В 1959 году вышла замуж. Муж очень хотел работать электриком. В это время открылось предприятие «Пермэнерго», куда муж поступил на службу. Мы с ним решили закончить Зюкайский техникум и вместе работать. Сначала трудились в центральных сетях, затем в Очерских. Я вырастила двух детей. Похоронила родителей. Перед выходом на пенсию сильно заболела. В связи с тяжелыми условиями работы в 1991 году получила вторую группу инвалидности. Я всегда помню своих настоящих и приемных родителей. Светлая им память!

СТРАШНО ВСПОМНИТЬ, КАК МЫ ВЫЖИВАЛИ

Варанкина Нина Васильевна

Мой папа Волегов Василий Ефремович 1904 г.р. пропал без вести в боях под городом Воронежем в июне 1942 года. Похоронку получили только в 1945 году. Я его почти не помню. Мама Волегова Евдокия Михайловна 1909 г.р. осталась с тремя детьми: старшему брату Леониду было восемь лет, мне – пять, а младшему Геннадию три месяца. Страшно вспомнить, как мы выживали. Мама была совсем неграмотная, поэтому на работу ее не брали. Жили мы в Верещагино, в своем небольшом доме.

Волегов
Василий Ефремович

Был огород, держали корову. Летом мама занималась в колхоз убирать урожай, пасти коров. Когда я подросла, то помогала ей. Когда мама уходила одна в деревню, нас оставляла со старшим братом. Мама была очень выносливой и дружелюбной. В войну мы жили очень бедно, как и после войны. Сколько себя помню, всегда трудилась.

Когда учились в школе, то не было одежды, обуви. Моя школьная сумка была сшита из тряпок. Платье-форму носила несколько лет, наставляя ее тряпками разных цветов. Весной мы вручную копали огород, сажали картофель и другие овощи. Летом собирали ягоды, грибы, продавали их, чтоб что-нибудь купить из одежды. Заготавливали для коровы сено. Покосы не давали. Приходилось косить траву далеко, где-нибудь за десять километров и дальше. Там и ночевали, охраняли сено, чтоб его не украли. Были и такие случаи. Люди выживали, как умели.

Осенью копали картошку, убирали овощи. Картофеля накапывали иногда по триста ведер. На зиму заготавливали дрова: таскали на тележках сучья из леса. Мой старший брат Леонид, как подрос, то стал делать всю тяжелую работу по дому. Для меня и брата он был за отца. После семи классов он пошел работать. Трудился он в Верещагинском вагонном депо. Он вырастил пятерых детей, у него

Варанкина
Нина Васильевна

восемнадцать внуков. Умер Леонид в 2003 году от инсульта.

Младшему Геннадию сейчас семьдесят лет. У него трое детей. Работал он в автохозяйстве и на железной дороге.

Я закончила семь классов и поступила работать на трикотажную фабрику. Сначала трудилась на стройке, потом перевели в цех. В 1955 году вышла замуж. Жизнь с мужем не сложилась. Разошлись, когда мне было двадцать восемь лет. Осталась с тремя детьми: старшему – десять лет, второму – девять, младшей – десять месяцев. Тяжело было одной растить детей, но мама помогла. Мама только с 1980 г. стала получать пенсию

за папу, тридцать рублей. У меня зарплата тоже была небольшая. Жили очень скромно, но детей вырастили. Все они получили среднее образование, работают. У меня сейчас шесть внуков и две правнучки. С мужем не жили сорок лет, а хоронить пришлось мне. В 2006 году он умер, никому не нужный. Мама ушла из жизни в 1999 году, ей было девяносто лет. Последнее время сильно болела, пять лет была совершенно слепой. Я за ней ухаживала.

Я проработала на фабрике тридцать пять лет, ветеран труда, инвалид третьей группы. От фабрики получила благоустроенную квартиру, отработав за нее тысячу часов вечерами. Живу сейчас одна. Дети и внуки не забывают, заботятся обо мне. И я стараюсь им помогать, чем могу. Жизнь у меня была очень трудной, но я все вытерпела, выстояла. Я всегда помню папу. Светлая ему память!

ПОПАЛ НА ФРОНТ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Вешнякова Евдокия Демидовна

Мой отец Гилев Демид Иванович 1910 года рождения жил в деревне Артемьево Бородулинского сельского совета, Верещагинского района, Пермской области.

Папа ушёл на фронт в самом начале войны. Был ранен в ногу. Лежал на излечении в военном госпитале города Саратова. Там он пробыл один месяц, и его снова направили на фронт. Мы от него с дороги получили всего лишь одно письмо, но в нем не было написано, в каком направлении их везут. Больше писем не было. И только позднее через военкомат получили извещение, что папа пропал без вести шестого ноября 1941 года.

Гилев Д.И.

Мы жили в деревне Артемьево Бородулинского сельского совета, Верещагинского района, Пермской области. До войны папа был председателем колхоза «Агроном», а мама – рядовой колхозницей. Хозяйство было большим. После ухода отца на фронт жили очень трудно. Мама платила налоги. Каждый год -- 45 килограммов мяса, 75 штук яиц, 350 литров молока, плюс облигации Государственного займа, а это большие деньги. Носить было нечего. Мама сшила мне пальто из портянок, которые выменивала у солдат, работавших на строительстве железной дороги. Жили они в нашей школе. Я училась во втором классе в здании сельского совета Бородулино. Занимались одновременно два класса, между ними была ширма. Учить уроки было некогда. Письменные задания я успевала готовить во время перемены, а устные уроки оставались невыученными. После школы постоянно работали в колхозе. Приходилось и боронить, и молотить, и копать картошку, и заготавливать сено, силос. Делали много других работ. Особенно запомнилось, как молотили зерно: гоняли коней вокруг привода, а зерно потом старики увозили в заготзерно для сдачи государству. Часто работали до глубокой ночи. Спали очень мало, а утром снова

учеба в школе, а потом работа в колхозе. Никто не роптал, не говорил, что не хочет, не будет, не пойдёт. Все было для победы. Кроме того еще в своем огороде, если выпадало время, работали до ночи: садили овощи, лук, картошку. Потом ухаживали за ними. Очень много заготавливали сена, силоса для колхозного скота на зиму. Вот так и жили. Было очень трудно.

Курочкин
Епифан Илларионович

Семья Курочкиных

Владимирова
Лидия Епифановна

ТРУДНО ЗАБЫТЬ – БОЛЬНО ВСПОМНИТЬ

Владимирова Лидия Епифановна

Курочкин Епифан Илларионович 1909 года рождения, д. Даси Очерского района. Призван восьмого июня 1941 года Очерским райвоенкоматом. Пропал без вести 22 июня 1942 года.

Некрута – некрутики
ломали в поле прутики.
На дорожку ставили,
сироточек оставили.

Август 1940-го года. На фото счастливая молодая семья: ему – 34, ей -- 26, дочурке Лильке (так звал своего первенца – любимую дочурку отец) – четыре года. И никому из всех троих было невдомек, что их счастьем оставалось лишь десять месяцев. Это единственное фото, что осталось у меня на руках от моего любимого папы, т.к. на фронте он сфотографироваться не успел.

Итак, в отблеске памяти осталось мгновение: темная, теплая августовская ночь. Так начиналось первое волнительное путешествие в далекий тогда для меня мир, путешествие, которое продолжалось целых пять часов, за 25 км от дома, из далекой деревни Даси в районный центр. Проснулась рано утром от скрежета гальки под колесами телеги «Это Очер», - объяснил мне папа.

А вот и огромное зеркало пруда! Дух захватило от восторга! А потом так настойчиво мне объясняют, как сделать руки на фото, а они никак меня не слушаются. Дальше идет провал в памяти...

И вот я уже сижу у папы на коленях. Он положил свою большую руку на мои колени, и я с интересом рассматриваю рисунок на моем платье и папиной рубашке, он одинаковый. Краем уха ловлю обрывки фраз мужчин-односельчан, которые пришли поговорить с папой накануне отправки его, якобы, на военные сборы, на какие он ходил уже осенью 40-го года. Кстати, такую рубашку, одинаковую с моим платьем, мама так и не вспомнила, а я запомнила эту последнюю ниточку, связующую меня, четырёхлетнюю девчущку, с папой. Я еще ничего не понимала из разговора взрослых, но мне было почему-то так грустно. Предчувствовало детское сердечко, что в последний раз сижу у папы на коленях, в последний раз ощущаю всем своим маленьким тельцем прикосновение теплых, надежных папиных рук. Но одно понимаю, что происходит что-то серьезное, о чем так озабоченно говорят взрослые мужчины.

А на завтра..., а на завтра... Папа несет меня на руках, сзади идет множество народа, рядом почему-то плачущая мама. Мне пока не хотелось плакать, ведь кругом такая нежно-зеленая травка (весна, говорят, была очень поздняя и дождливая, хлеб еще только начинал всходить). Папа оглянулся на усадьбу (со слов мамы), окинул взглядом зеленеющие всходы, весь потемнел и повалился. Тоже, видимо, сердце предвещало будущую беду. И вот папа оторвал меня от себя, сел на телегу, и мама повезла его в Очер. Долго махал белым платком, пока телега не исчезла за горой. Только я это видела урывками, т.к. билась в истерике. Происходило это восьмого июня 1941 года. Бабушка принесла меня домой. Уговоры не помогали. Тогда побрызгали меня холодной водой, завернули туго-натуго в какую-то тряпку, и я уснула. Вот такой осталась в памяти разлука с папой. Проснулась поздно вечером. В доме ужасная тишина: ни папы, ни мамы, (она вернулась поздно ночью), одна бабушка охраняла мой сон. Снова зажало сердечко и захотелось опять громко плакать. Так хорошо помню это состояние, как будто это происходило вчера. А наутро опустевший дом, хмурая и молчаливая, вся в слезах мама. Мне повезло, что я хоть эти отрывки сохранила в памяти о папе. А вот сестричке в этот роковой день исполнилось ровно девять месяцев и знает она папу только по фото.

И вот письмо. К сожалению, мама его потеряла с переездом, но его содержание я помню с детства. «Пишу наспех в вагоне карандашом. Везут на запад. Неизвестно куда. Возможно, тебе придется растить дочерей одной. Не обижай их. Не забудь вычистить трубу, а то сгоришь. Даю в Верещагино женщине три рубля, чтоб положила письмо в городе. Прощай». И как он узнал, что после каждого прошедшего воинского эшелона все письма из почтового ящика на вокзале уничтожались. Вот и все весточки от папы. Не успел больше ни написать, ни фото выслать.

А через две недели прилетела в деревню страшная весть: «Война!» Сплошной стон стоял по деревне. Ежедневно отправляли по двое-трое мужчин. Но этот «вой» продолжался все лето, т.к. не успели отправить последних, как уже пошли похоронки. Только и остался в памяти от детства этот душераздирающий крик на закате солнца (похоронки-то приносили вечером) то в одном конце деревни, то в другом. Люди бежали на этот крик, как на пожар. Мы, малышня, тоже бежали, но не успевали за взрослыми, и пока прибежим, там уже женщину, катающуюся по траве, отливали водой из колодца. Тридцать пять домов было в деревне. И не было ни одного дома, откуда бы кто-то не ушел на войну. А вернулись из всей деревни двое раненых мужчин да шесть парней, которые 18-летними были взяты в конце войны, но из них многие успели погибнуть. У трех женщин в деревне погибли по три сына, в том числе у моей бабушки, а четвертый по возрасту уже не подходил под призыв и был призван в город Пермь, в трудармию, откуда вернулся больным туберкулезом и скоро умер. Благо, бабушка не дождала до такого невыносимого горя. Папа за два месяца до своей отправки похоронил свою маму. Как пять дубов стояли вокруг гроба сыновья, и всех поглотила война, кроме старшего, уже старого.

Ну а мы жили в ожидании письма. Целый год не было от папы никаких известий. Тогда мама дала запрос в райвоенкомат. И вот тогда пришла похоронка: «Погиб. Пропал без вести 22 июня 1942 года». И только в 2010 г. по документам Министерства Обороны мой сын проследил весь путь папы. Из Перми были отправлены три полка. И к самому началу войны их успели подвезти в город Друскининкай, недалеко от Вильнюса, в Литве. Немцев они встретили на реке Неман, и все три полка были разбиты. Погиб и командир. Оставшейся группе (человек тридцать) удалось выйти из окружения и

примкнуть тоже к разбитой части где-то уже в районе Великих Лук. Тут часть пополнили, и снова в бой. И опять вся была разбита. На этом следы потерялись. Так что, по всей вероятности, погиб он в первые месяцы войны, когда еще царила полная неразбериха, а не в 1942-м. Как ни странно, но первой его песней в любой компании была: «Как помру, как спомру я, похоронят меня, и родные не узнают, где могилка моя».

Так и произошло в его судьбе. А как бы я хотела положить цветы на его могилку и горсточку земли с его малой родины, поплакать над ней, так и стоит она где-то одиноко, и одни вороны летают над ней. А, может, и косточки не захоронены. Как знать?

Ни игрушек, ни игр, ни маму не вынесла память из детства. Одни слезы, заботу, работу, совсем не детскую, и голод. Мама уйдет рано, я еще сплю, придет, я уже сплю. Днем жнут, косят, ночью молотят, веют зерно с фонарями. А в семь лет, в 43-м летом и меня «окрестили» воспитателем детсада. Пришел как-то к маме бригадир и говорит:

- «Отдай, Анфиса, девчонку-то в садик помогать Сафоновне. Постарше-то ребята все в поле, а одной ей тяжело. Девчонка-то смышленная, подмогнет»,

- «Да какая из нее нянька, ребенок ведь еще совсем».

- «Ну, хоть покачает малышей да соску даст». Так и «работала» все лето. Помогу одеть детей на три – четыре года помладше меня, бабуля уйдет с ними на улицу, а я караулю спящих грудничков: то соску дам, то покачаю, а если не могу справиться, бегу за Сафоновной. А в 44-м г., в восемь лет, и мне пришлось в поле работать. То гряды с овощами полем, то хлеб и картошку, то телят помогаем пасти, то кур от ястреба караулим. Самое трудное было – хлеб полоть. Все руки в ссадинах от жабрея и осота. Утром плачу, неохота идти, руки подпухнут. Велики ли еще ручонки, ростиком я маленькая была, и в школу-то пришлось в девять лет идти, силенки не было за три километра ходить зимой по сугробам. А мама уговаривает: «Иди, миленькая, а то лошадь огород пахать не дадут». Осенью колоски собираем, весной в вонючем овощехранилище со старушками картошку сортируем, зимой золу с ведрами по домам собираем для колхозного огорода, удобрений тоже не было тогда. Вот так в семь и восемь лет за лето 43-го и 44-го годов выработаны были положенные шесть месяцев для получения статуса «Труженик

тыла». А солидные дяди сказали: «Не положено. Возраст не походит. Какие вы еще работники были». А вот и были, поневоле приходилось. И перечеркнули весь наш непосильный детский труд. Больно. Обидно. Но что поделаешь. Но обидней всего еще за то, что в войну все наголодались и настрадались, но по окончании ее вернувшиеся отцы компенсировали загубленное детство, а мы так и остались сиротами на всю жизнь. Так и продолжали голодать в последующие после нее годы.

Но в войну я меньше наголодалась, чем в годы учебы в техникуме, уже в 50-е годы. В войну-то мама хоть с травой «олябушки» напечет, да печенки с капустой, когда и стакан молока или обраты сойдется, а за 25 км от дома, живя у чужих людей, ничего не приготовишь, не из чего. Булку хлеба делила на неделю, как военную пайку, да килограмм песку на месяц, вот и вся еда. На стипендию надо было одеться да еще маме помочь налоги и заем заплатить. Закончив техникум с красным дипломом и имея возможность без вступительных экзаменов учиться дальше, я не смогла продолжить учебу. А был бы папа! Вот так война красной нитью прошла по всей моей жизни: всю жизнь с большим трудом поднимаясь со ступеньки на ступеньку, я уже в свои 22 года приобрела заболевание желудка. Завершая свою повесть о сиротском военном детстве, хочется еще вспомнить случай, который чуть не лишил меня жизни. Произошло это на восьмом году жизни. Но повторюсь, что я ростиком была очень мала, так выглядела совсем ребенком, в школу еще не ходила. Дело было летом. На лугах много подвалили сена, и вдруг засобиралась гроза. Нужно срочно убирать сено до дождя. В деревне уже кроме бабушек никого нет, все на сенокосе. Прибежал бригадир и стал уговаривать меня сесть верхом на лошадь и ехать на луга – возить копны. А я ни разу не сидела на лошади верхом. И вот он поднял меня, такую кнопку, на лошадь без седла. Изю всех сил вцепилась ручонками в гриву. При каждом шаге лошади я валилась то в одну, то в другую сторону. Пока доехала до лужайки, руки оцепенели. А на лужайке поджидал меня другой сюрприз: у елки был привязан племенной жеребец Буян, запряженный в коробок. Все лошади были заняты, и председатель объезжал поля на нем. Завидев кобылицу, он рванулся и, отвязавшись на огромной скорости, помчался ко мне. Ужас сковал мой ум, я ничего не понимала, не знала, что делать. И вот уже догнал меня Буян. Я оглянулась и в ужасе

увидела огромную «глыбу» над моей головой, которая вот-вот прихлопнет меня и раздавит, как лепешку. Не знаю, как это произошло, но я повернула лошадь под прямым углом, и он опустил мимо. Так повторялось три раза. Ничего в это время не чувствовала от страха, только слышала крики со всех сторон и пестреющие тени. Это со всех сторон бежали ко мне люди. Председатель подбежал первым и поймал Буяна. Чьи-то сильные руки спустили меня, всю дрожавшую от ужаса происшедшего, на землю. Люди окружили меня. Тут и мама подбежала и, увидев меня целую и невредимую, упала в обморок. Очнувшись, выкрикнула: «Кто тебе разрешил?» - и наградила меня хорошим шлепком по одному месту. На этом моя помощь закончилась. Обессиленная, опустив голову, побрела домой и больше ни разу в жизни не садилась на лошадь верхом.

Чтоб отвлечь себя от тяжелых воспоминаний и от обиды, что о нас, сиротах войны, никто и не вспоминает даже в юбилейные годы, проработав тридцать восемь лет, я живу в ожиданиях приезда сына от отпуска до отпуска, который тридцать три года отдал служению Родине в военно-морских силах, и черпаю силы в огородных увлечениях, в общении с природой и добрыми людьми. И одна единственная у меня, как и у всех мечта, чтоб всем нашим будущим поколениям: детям, пра... пра... пра... внукам НИКОГДА не пришлось повторить нашу судьбу, такого ужасного военного лихолетья. Пусть будущее поколение не сочтет мои мысли за громко сказанные слова, т.к. они действительно льются из самой глубины теперь уже стареющего сердца, когда уже не до громких слов: «Пусть всегда будет мир на нашей земле! Для этого мой папа отдал свою молодую жизнь! Для этого страдала моя двадцатишестилетняя мама, оставшаяся с маленькими детьми! Настоящий и будущий мир стоит наших страданий!»

**Лидия Енифановна ВЛАДИМИРОВА,
ветеран педагогического труда.**

Читаю в нашей газете материалы о Великой Отечественной войне, и на меня нахлынули воспоминания о ней. Вот и решила поделиться своими воспоминаниями.

Моего папу, осенью 40-го года, брали на переподготовку в Бишерстские лагеря, а 25 мая 1941 года снова пришла повестка. Успокаивали

себя тем, что снова на переподготовку, но предчувствие было нехорошее, тяжело отпралялся.

Через неделю пришло письмо из Верещагино. Содержание его (со слов мамы) помню всю жизнь: «...Везут на запад, неизвестно куда. Возможно тебе придется растить дочерей одной, не обижайся». И осталась 26-летняя мама с нами — мне было 3,5 года, сестре 9 месяцев — одна.

В пять лет мама научила меня читать. Долгими зимними вечерами собирались женщины в одной избе (с целью экономии керосина в лампадах) прясть лен, ведь одевались полностью в самотканную одежду. Обговаривают положение дел на фронте, почитают письма, кому посчастливится получить, посочувствуют получившим похоронки, поплачутся, а потом просят меня почитать книгу «Радуга», невесть как попавшую в далекую глухую деревеньку, о зверствах фашистов. Читая, плачу горючими слезами, и все плачут.

Летом 1943 года мама, считая меня смышленной девчонкой, в 7 лет отдала меня по просьбе бригадира в детский сад помогать старой больной бабушке приглядывать за детьми, которых в садике было человек семь предвоенных и двое грудничков. Все более могущие старушки гребли сено, ухаживали за курами и т.д. Ребята постарше были заняты на колхозной работе. Ребятишки, кто телят да овец пасет, кто кур караулит, кто хлеб да картофель пропалывает, мальчишки копны возят, навоз на поля вывозят. Вот и я тоже пригодилась. Усыпит грудничков бабушка, и уйдет со старшими гулять, а я остаюсь малюток караулить. Малыш проснется — соску с молоком дам, сухую пеленочку подсуну и опять уснет. А уж если совсем разревется, бегу за бабушкой — она к малышам, а я старших раздеваю.

Когда в колхозе совсем аврал, забирали и меня на прополку. Ну, а в 8 лет пришлось совсем не по-детски трудиться. Деревня у нас была небольшая, рабочих рук мало, поэтому привлекали к труду и малых ребят. Целое лето на прополке. Удобрений не было, поэтому поля сильно зарастали. Гряды, еще куда ни шло, пололи, а вот хлеб... Все ручонки исколет осотом да жабреем. Утром плачу, не хочу идти, а мама уговаривает: «Иди, доченька, а то лошади не дадут усадьбу пахать».

С весны мальчишки окучивали картошку на лошади: где зароят, где выпашут, а мы, малыши, ходим по рядам и поправляем. Много чего переделали, а теперь нам, тогда 7-9-летним девчонкам, говорят: «Вы не

можете быть труженицами тыла, вы еще малы и не могли работать». А вот могли не могли, но работали.

Однажды засобирилась гроза, а на лугах много сена подсохло. Около обеда пришел бригадир и давай слезно просить поехать верхом на лошади копны возить. А я верхом на лошади не сживала, и отказаться не смогла. Хоть мне и было 8 лет, росточком была мала. Посадили на лошадь без седла, вцепилась я за гриву ручонками и поехала. Сердце замирало от страха, что вот-вот упаду, ручонки околели от напряжения. Благо дали мне тихую кобылицу, слывшею ленивицей. Подъехала к лугам, а там к елке племенной жеребец был привязан с коробком. Председатель колхоза приехал на нем, так как все лошади были заняты. Буян был злой, завидев кобылицу, он рванулся (вмиг отвязался) в мою сторону. Вмиг догнал, поднялся на задние ноги.... А я не помню себя от страха, совершенно не осознанно круто повернула кобылу, и жеребец сел мимо. И так повторялась раза четыре. Страх парализовал весь рассудок, вижу только пестрые пятна на лугу. Это на шум со всех сторон бежали люди. Председатель очень испугался и со всех ног бежал ко мне. Схватил жеребца, тут и другие подоспели, сняли меня с лошади. Мама увидела меня, сразу упала в обморок. Женщины суетились: кто меня плачущую, дрожащую от страха успокаивает, кто на маму воду льет... Это было второе мое рождение, быть бы мне раздавленной жеребцом. С той поры я ни разу не садилась верхом на лошадь.

... И вот долгожданная победа! Все ликуют - от мала до велика. А моя мама, совсем молодая 30-летняя женщина, стоит в стороне и плачет. Мы, как два кукушонка, прижались к ней и тоже плачем, к нам не вернется папа, даже после Победы.

Папа погиб в 1942 году, так и не прислав больше ни одного письма. У кого вернулись отцы с фронта, жизнь в семьях начала налаживаться, начали справляться с голодом и бедностью. А для меня снова голодное детство и юность продолжились.

В детстве голодали, так хоть с мамой, то она лепешки с травой напечет, были картошка, капуста, а то стакан молока перепадет. А уж когда пошла учиться в техникум за 25 км от дома, жила у чужих людей на квартире только на стипендию, от которой еще отрывала маме на налог. Вот тут- то я познала жуткий четырехгодичный голод, доля булку хлеба на б дней. Без слез это время не могу вспоминать.

Учебу окончила с отличием, идти бы в институт, но увы... учиться не на что, папы нет, помогать некому. Обида душила горло, что у других

отцы вернулись с войны, и они покупают булочки на переменах, а меня тошнит от голода. В результате — через два года появился гастрит, который «успешно» сопровождает меня всю жизнь.

Так сложилось, судьба подарила мне единственного сына. Служит он на Тихом океане. Вот и живу в гордом одиночестве, в ожидании встреч с самым родным человеком раз в году. Но, несмотря ни на что, так люблю жизнь!

*Статья из газеты «Заря» № 15
16.04.2010 г.*

ПАЛ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ

Раиса Павловна Галинова

Мой отец Павел Александрович Преображенский, уроженец г. Ленинграда, погиб в бою 28 июня 1944 года в звании майора, командира 90-го отдельного танкового полка. К сожалению, своего папу я увидела только на фотографиях, которые, к счастью, сохранились, впрочем, как и письма с фронта моей маме.

Судьба распорядилась так, что я родилась на следующий день после гибели папы. Поэтому, со слов мамы, знаю, каким он был добрым, ласковым и внимательным человеком. Но обо всём по порядку. Шёл 1942 год — тяжёлое военное время. На Карело-Финском направлении шли жестокие бои. Но, несмотря на все тяготы, жизнь продолжалась: люди влюблялись, женились, рожали детей. Так познакомились и полюбили друг друга два молодых человека: красивая девушка Паня Егорова, родом из живописного местечка Мальвйайнен, что неподалёку от посёлка Калевала, и Павел Преображенский — высокий и симпатичный танкист. Война войной, а жизнь шла своим чередом; вскоре они поженились, отметив это событие весьма скромно. Писали друг другу письма и ждали встреч, мечтали о мирной жизни. Проходили дни, недели, месяцы. Павел Александрович самоотверженно

сражался, жена его работала в тылу бухгалтером. Так как она знала финский язык, случалось ей переводить «языка», взятого в плен. Будучи в положении, Прасковья ждала желанного первенца, надеясь и веря в счастливое будущее. По истечении срока на свет появилась девочка. Паня очень ждала своего любимого, волновалась, почему его так долго нет. Врачи говорили, что он ранен, и она верила. Но... приехал друг мужа, и когда Паня пошла его провожать на вокзал, не смог промолчать и сказал, что Павла больше нет. Ошеломлённая этим известием молодая мама с новорожденной на руках пошла по путям железной дороги. Она так любила мужа, что не хотела жить без него. Время было позднее. Знакомая стрелочница увидела её и поняла, что та задумала. Она уже обо всём знала и, участливо поговорив с ней, сумела убедить не делать опрометчивый шаг, а жить ради дочки, которая была так похожа на своего отца. В честь этой мудрой женщины мама назвала меня Раисой. Нелегко было маме, но она смогла, вырастила меня достойным человеком. Приходили к маме мужчины свататься, и так случилось, что один молодой человек уговорил маму поехать с ним на Урал, много наговорив хороших слов и наобещав «золотые горы». А в действительности всё было не так. Мне в ту пору было четыре года, когда приехали в город Пермь. Стали жить вдвоём, мама так и не вышла замуж, не смогла никого полюбить так, как любила своего Павла. Она работала бухгалтером в УРСе Камского речного пароходства. Я окончила школу, поступила в сельскохозяйственный институт. После окончания работала экономистом. Вышла замуж, переехали по месту работы мужа в Верещагино. Жизнь сложилась, имею двух дочерей и внуков. Много лет прошло с тех пор. Мама ушла в мир иной в 1985 году. Папа похоронен в братской могиле, недалеко от города Сегежа, на станции Масельская. Боевые товарищи отзывались об отце только положительно, считали его верным другом, всегда готовым прийти на помощь. Он ответственно выполнял возложенные на него воинские обязанности, самоотверженно защищал Родину и пал смертью храбрых. Я и моя семья свято храним память о дорогих нашему сердцу родных.

МЫ БЫСТРО ПОВЗРОСЛЕЛИ

Гилева Тамара Карповна

Гилева Тамара Карповна

Я родилась в 1938 году в селе Путино Верещагинского района. Детство мое безмятежное, босоногое и голодное прошло через годы Великой Отечественной войны без игрушек и часто без хлеба. Мы в одночасье превратились в военных детей и быстро повзрослели.

Мой отец Нохрин Карп Иванович жил в Сепыче. После женитьбы они с моей мамой переехали в Верещагино. Здесь они работали в торговле. В 1941 году папа ушел на фронт, оставив мать с тремя малолетними детьми. Моему младшему брату Анатолию было всего три месяца, мне – три года, а старшему Валентину – пять лет. Нашей маме Анне Кондратьевне Нохриной было очень трудно одной нас растить. Днем она работала в магазине, а по ночам шила. Свои изделия она меняла на картошку и хлеб, испеченный из травы и гнилой картошки. Часто она ничего не могла обменять, и мы голодали. Жили бедно. Нас поддерживала бабушка. Она была очень строгая, иногда даже наказывала нас. Мы ее беспрекословно слушались. Ведь все хозяйство лежало на ее плечах. От папы не было никаких известий. Мама разыскивала его, писала в часть. Ей ответили, что он лежал в госпитале, потом пропал без вести. Шли ожесточенные бои за каждую пядь земли.

Отец воевал под городом Ровно, где и погиб. Мы выросли, я закончила десять классов. Работала в ЖБК. Вышла замуж за Гилева Леонида Никитича. У нас двое детей: сын

Нохрин Карп Иванович

Сергей и дочь Марина. В семье Сергея двое детей, у Марины одна дочь. Я последние семь лет работала оператором на железнодорожной станции, откуда и ушла на пенсию. Муж тяжело болел тринадцать лет, последние годы доживал с одной ногой. Я ухаживала за ним.

Мама лежала парализованной восемь лет, мне приходилось нанимать ей сиделку. Живется и сейчас нелегко. Пенсия маленькая. Так государство распорядилось, что пенсионерам надо есть поменьше и одеваться похуже. Поэтому веселых, жизнерадостных людей становится все меньше. А больше хмурых, озабоченных. Спасибо моим детям и внукам, что поддерживают меня, живем с ними дружно.

Мы, дети войны, до конца своих дней будем верны святой обязанности – доносить до наших детей, внуков правду о войне, рассказывать о наших погибших отцах.

Нохрин К.И. с женой Анной Михайловной

Главатских
Владимир Ильич

ИЗ МУЖЧИН В СЕМЬЕ Я БЫЛ ОДИН

Главатских Владимир Ильич

Я родился десятого июля 1930 года в деревне Усть-Медла Ариковского сельского совета, Дебесского района, Удмуртской АССР, где жил до ноября 1950 года. Четвёртого ноября 1950 года меня призвали в ряды Советской Армии. После армии я стал проживать в Пермской области, в пос. Субботники Верещагинского района. С 1967 г.

проживаю в Верещагино.

Воспоминания об отце Главатских Илье Фроловиче у меня очень слабые. Знаю, что он до призыва на фронт работал в колхозе «Советский Герб» Ариковского сельского совета, Дебесского района. Со слов матери Главатских Марии Дмитриевны, отцу было выдвинуто условие: сдать хлеб государству и остаться на брони. Отец хлеб сдавать отказался. Ведь чем-то надо было кормить членов колхоза. Он работал тогда бригадиром или председателем колхоза, не помню.

В августе 1943 года от него из части пришла похоронка. Вот и все, что я знаю. Нас у матери было семь детей. Старшие трое работали, учились. А мы, младшие, сидели у матери на шее. Моя старшая сестра и я учились в школе, а двое младших еще были дома. Одна сестра с 1936 года, другая – 1941 года. Из мужчин в семье я был один. В свои двенадцать лет я пошел работать. Летом с другими сверстниками работали в колхозе, а зимой нас отправляли на лесозаготовки. И так всю войну и после войны. Жизнь, конечно, была не сахар. За работу в военное время меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Но и позднее, когда работал в Верещагинском ПРМЗ, меня тоже удостоили медали «Ветеран труда».

А в живых нас осталось только трое. Вот что я и хотел написать о себе.

Очень жаль, что плохо помню отца. Да пусть ему будет светлая память!

КАК Я ХОЧУ УВИДЕТЬ ПАПУ!

Главатских Нина Алексеевна

Война 1941 год. Так и хочется сказать:

«Что ты подлая сделала...»

Осенью, в ноябре-декабре 1941 года, отца моего Швецова Алексея Андрияновича взяли в армию, а весной, в мае, отправили на фронт. Жизнь была очень сложная. Нас у мамы было семеро, а в феврале еще родился восьмой ребенок. Вот так наша мама Швецова Секлетинья Арефьевна с нами крутилась. И в колхоз надо идти работать, дома за скотиной ходить, без коровы тогда было сложно жить.

Главатских Н.А.

Были у нас еще куры, овцы, пчелы. Но пчелы у нас нарушились быстро, после того как получили от папы извещение о его гибели, да к тому же их у нас еще разорили. Вот тогда без сладкого стало похуже, ведь сахар купить в те времена было не на что. В колхозе денег не давали, да и зерно давали по сто пятьдесят граммов на трудодень. А нас вместе с мамой пять человек. Одна сестра была замужем, двое братьев были взяты на фронт, а одна сестра больше находилась у бабушки, которая жила с нами на одной ограде. А старший брат Сергей учился в школе, потом в Зюкайском сельхозтехникуме. А мы, четверо, это я и младшие братья Саша и Вася были дома с бабушкой Марфой Мироновной. У нее под присмотром были не только мы, но и другие деревенские дети. Мы считали, что нам плохо живется, но по сравнению с другими наша семья жила нормально. Хлеб ели каждый день, правда, мама нам делила понемножку, да и некли с примесью: с тертым картофелем зимой, а летом с сушеными травами, клеверной шишкой. А другие люди собирали весной на поле гнилую картошку и из этого некли лепешки. Жизнь была

Семья Швецовых

Братья Швецовы Саша и Вася со своей мамой Швецовою Секлетиньей Арефьевной

очень сложная. Ведь мужчин в деревне не осталось, всех, кого было можно, взяли на войну. И остались старики, женщины и дети. Но что хочется сказать, среди деревенских никто не воровал и старались не оскорблять друг друга. С домашними делами справлялись сообща. Да, очень было сложно без крепкой мужской силы. Наша семья бедствовала сильно. Тем не

менее мама не давала расслабляться. Сергей в 1949 году поступил в военное училище в Рязани. По окончании училища его направили служить в Германию. Мы, трое младших, закончили семь классов. Брат Саша поступил в техникум, учился в Свердловске. У меня только курсы счетовода.

Детей у меня четверо. Трое закончили институт. У одной среднее образование. Все четверо имеют свои семьи. Очень хочется, чтоб нашим детям не досталась та голодная доля. Хочу добавить свою «поэму», в честь Пятидесятилетия Великой Отечественной войны 1941-1945 года.

Мне было тогда шесть годов с небольшим.

Шла война...

И увидеть на месте отца пустоту -

Никому не желаю такого.

Помню - он был и жнец, и косец, и лапотки сплетет,

И починит любую обувку.

А в час отдыха как с мамой

песни они распевали.

Но осенью 1941 года ушел на войну.

Как дома у нас стало пусто без папы.

Мама утром одна похлопочет по дому,

в том числе и в конюшне.

И в колхоз на работу спешит.

А мы, малышня, нас трое осталось тогда,

Сопим на полатях под шубным тулупом.

У старшей сестры своя семейка была.

Два старших брата на фронте дрались с врагом.

Двое старших учились в школе.

День за днем, год за годом времечко шло,

Вместе с ним и прошло наше детство в сиротстве.

Один брат с фронта вернулся с разбитым плечом.

Так и прожил остаток жизни своей инвалидом.

Другой остался сверхсрочно. Служил в Украине.

Было много всего. Мы, дети, росли.

Мама нас ласкала, учила, кормила и одевала.

Но папы нам все равно не хватало.

9 мая 1945 года объявили Победу!

Что было в деревне у нас...

Кто плакал, кто пел, кто плясал, радовались Победе.

А у нас не было папы.

Не вернулся домой он с войны,

Под Сталинградом остался навеки.

Письмо - треугольник храню по сей день.

Это все, что осталось от папы.

Ни одна похоронка была на него - извещенья без вести пропавший.

Много скорби, печали пережили тогда.

Как жаль было милую маму.

Много горя пало на плечи ее,

Забота о нас, страданья, печали.

Ведь мы остались без папы.

Шли годы, и время текло. У нас выросли дети.

Есть внуки и правнуки.

Мне самой семидесятый годочек пошел.

Но все равно хочу увидеться с папой.

Хотелось бы много ему показать и сказать.

Хоть цветы положить на могилку его,

Если найти бы её появилась возможность!

Фукалов
Андрей Филиппович

ЗНАЮ О ВОЙНЕ НЕПОНАСЛЫШКЕ

Годовалова Надежда Андреевна

Я дитя войны, чей отец погиб, защищая Родину.

Мой папа Фукалов Андрей Филиппович – уроженец Молотовской области, Сивинского района. Когда началась Великая Отечественная война, мне было восемь месяцев. В августе 1941 года отца призвали в армию. Я знаю о войне непонаслышке, а воочию.

Я помню, что постоянно хотелось кушать, помню этот черный, тяжелый, как кирпич, хлеб, который давали по карточкам наразвес. Он казался нам очень вкусным, может, как торт сейчас, а, может, еще вкуснее, и которого всегда не хватало, а со стола собирали все до малюсенькой крошечки.

Помню радиоприемник – эту черную тарелку, какие были в каждой квартире, доме. Люди с нетерпением ждали голос Левитана.

Помню, как маму увезли в больницу, где она пролежала долгие пять месяцев. Без неё мне было очень плохо. Осталась я в квартире с чужими людьми. У нас жили эвакуированные. И грех, может, говорить, но они меня обижали, пороли ремнем и вицей. Конечно, я порой и баловалась: то стекло разобью в маленьком звене оконной рамы, то что-нибудь съем. Но поймите, мне ведь было всего три года, а запирали меня на замок с полседьмого утра и до восьми вечера. Да разве какая-то мать оставит на такое долгое время своего малыша?

Но однажды во время очередной порки приехал из деревни мой дядя, который из-за ранения во время гражданской войны не был призван на фронт. Я помню, как он страшно ругался, не подбирая выражений, и в конце концов завернул меня в тулуп и увез к себе в деревню, пообещав

Мама
Надежды Андреевны

Годовалова
Надежда Андреевна

еще с ними разобраться.

Жилось мне в семье дяди хорошо. Они меня любили. Маму увезли в больницу в октябре, а выписали только в марте, и меня сразу привезли домой, к моей любимой мамочке. Как я была рада!

Помню, как принесли похоронку на отца. Вскрикнув, упала в обморок мама.

Но помню я и счастливый День Победы. Было солнечное майское утро, цвела черемуха, звучала музыка, люди плакали и смеялись, пели и плясали, радовались долгожданной победе над врагом. Народу было очень много, а жили мы по улице 3-го Интернационала, дом три, т.е. совсем рядом с военкоматом.

Война – это очень страшно, это даже не Чернобыль и не торнадо, это намного страшнее. Поэтому надо приложить все силы и бороться за мир во всем мире, чтоб война никогда не повторилась. И закончить свою исповедь я хочу словами М. Алигер: «Люди мира! Спасите землю от войны!»

Хоть мы были в тылу,
Но мы помним войну,
Когда кушать хотелось нам очень.
Хлеба мало давали,
Мы траву добавляли
И живот набивали,
Утолить чтобы голод трескучий.

Мы отцов потеряли,
Горе горькое знали,
Но тянулись мы к солнцу и свету.
Мамам мы доверяли,
Как могли, помогали.
Огорчать не хотелось их очень.

Мы их нежно любили
И судьбу не корили.
Мамы нам заменяли отцов.
До победы дожили,
Сколько слез мы пролили,
Но войну не забыли,
Ведь она отобрала отцов.

Неволин
Иван Степанович

ПОГИБ, ЗАЩИЩАЯ СТАЛИНГРАД

Груздева Анна Ивановна

Своего папу Неволина Ивана Степановича я не помню. Мне было восемь месяцев, когда его призвали на войну. Папа погиб. Душевная рана не дает мне покоя всю жизнь. Почему у некоторых отцы вернулись с войны, а мой – нет? Я пристально рассматриваю его фотографию, читаю письма с фронта, пытаюсь представить его образ, но у меня это плохо получается. Каким он был, знаю из рассказов мамы и старших сестер.

Папа родился в деревне Поносово Семибратовского сельского совета, Верещагинского района, Пермской области в 1906 году. В семье было трое детей: два брата и сестра. Его отец (наш дедушка) был солдатом царской армии и погиб в Первую мировую войну. Вскоре умерла от воспаления легких его мать Неволина Пелагея Федоровна. Дети стали круглыми сиротами. Вырасти им помогли добрые люди. Папа воспитывался у родного дяди Тиунова Дмитрия Федоровича, отличавшегося суровым характером. Поэтому жилось папе в детстве нелегко.

В девятнадцать лет, в 1925 году, отец женился на моей будущей маме Старковой Анастасии Федоровне. Она была тоже сиротой с тринадцати лет, выросла без матери, которая умерла от тифа, оставив сиротами пять дочерей, старшей из которых была мама. Родители построили своими руками большой дом и стали вести свое хозяйство. У них был огород – пятьдесят соток и домашняя живность: корова, овцы, лошадь, куры.

Первые дети (четверо) у них умирали. Выжила моя старшая сестра Люба, родившаяся в 1932 году. Потом появилась вторая дочь Анфиса. А я родилась в 1941 году, в лихую годину. Семья жила очень скромно, но не бедствовала. Отец работал кузнецом в колхозе, мама – на полевых работах. Папа заботился о нас и очень любил. Он как

будто чувствовал, что скоро его не станет. Поэтому каждую лишнюю копейку тратил на нас. Когда ездил в город, то обязательно покупал ткань нам на платья, чулки, обувь. У нас была швейная машинка «Зингер», и мама на ней шила сама. Когда папы не стало, мы еще долго, вплоть до совершеннолетия, ощущали его заботу. Помню, ежегодно, к троице, мама нам шила каждой новое платье из ткани, купленной папой. Как мы этому радовались!

Проклятая война разрушила нашу мирную жизнь. Осенью 1941 году папу призвали в ряды вооруженных сил. Сначала он проходил обучение в городе Нытве Пермской области, а в январе 1942 года был отправлен на передовую. Письма приходили из Москвы, из Орла, Воронежа, а летом 1942 года уже из Сталинграда. В письмах папа мало писал о своей службе, да и лишнее зачеркивалось цензурой. Писал, что находится в степях, леса там нет, спят под открытым небом, в окопах. Больше спрашивал, как мы живем, не голодаем ли. Давал советы, как выжить, чтоб побольше сажали картошки, овощей, держали корову. Писал, что думает о нас постоянно, очень скучает, забывается только во время сна. В последних письмах читаем о предстоящих жестоких боях. Сообщает, что ему, вероятно, придется погибнуть на чужой стороне, но он погибнет за Родину, за нас. А государство нас не оставит в беде, поможет и материально, и морально. Если будет очень плохо, заставлял маму обращаться в военкомат, в сельский совет. Увы, помощи мы никакой не видели.

Отец погиб на подступах к Сталинграду восемнадцатого сентября 1942 года. Последнее письмо пришло уже после его гибели. А в ноябре 1942 г. пришло похоронное извещение от командира дивизии, где он служил. Папа похоронен в братской могиле, в полкилометре от станции Котлубань Сталинградской области.

Для нас настали тяжелые времена. До этого жили надеждой, что папа вернется, и мы будем жить лучше. Надеялись на чудо еще долгое время. Осенью 1945 года вернулся с фронта его однополчанин Мосин Семен из Сивинского района, деревни Самозванка. Он написал нам письмо, чтоб папу мы не ждали, что он убит. Нам хотелось более подробно узнать об отце. И мама решила сходить к нему. А это семьдесят километров по бездорожью. Была осень. Сплошной лес. Волки. Их было очень много тогда в наших краях. Мы ждали маму с нетерпением, сильно за нее боялись. Помню, я не слезила с подоконника, смотрела на дорогу, когда появится мама,

плакала. Ее не было четыре дня. Наконец она вернулась очень уставшая, заплаканная. Обняла нас и сказала, что мы сироты, папа никогда к нам не вернется. Однополчанин Мосин С.М., рассказал маме, что они с папой были очень дружны, ели и пили из одного котелка, поддерживали друг друга во всем. Он очень сожалел, что не смог похоронить друга, т.к. был контужен и отправлен в полевой госпиталь. Еще он рассказал, что папа мог бы выжить, т.к. ему предлагали более безопасную службу - ковать лошадей. А отец, якобы, сказал: «Я пришел на фронт воевать, а не лошадей ковать».

Как мы выжили в войну, одному Господу известно. В 1943 году мама от непосильной работы, переживаний заболела. У нее отказывали почки. Подолгу лежала в областной больнице. Мы жили одни. Я была маленькой и плохо помню это время. Только вспоминаю, что плакала каждый день и ждала маму. За хозяйку в доме оставалась одиннадцатилетняя сестра Люба. Еще за нами следила, помогала мамина близкая подруга Лапина Дарья Ивановна. Ее муж тоже погиб на войне, но детей у них не было. Она и корову доила, и в бане нас мыла, и хлеб для нас пекла. Какой хлеб? Лепешки из жмыха, травы, картофельных очисток. Светлая память этой доброй женщине, труженице! Слава Богу, мама поправилась. Милая! Сколько же ей пришлось пережить! Она никогда не отдыхала. С утра до позднего вечера работала в колхозе, а ночью шила одежду для жителей деревни: платья, юбки, кофты, теплые фуфайки из ваты, полушубки из овчины. Кто-то три яичка принесет за работу, кто чуть-чуть муки, кто спасибо скажет. Все жили очень бедно. А из мелких тряпочек я шила себе куколок и играла ими. Других игрушек у меня не было. Государство нам платило мизерную пенсию, помню, сорок три рубля до реформы 1961 г. И эти копейки мама хранила, чтоб заплатить заем. Папина надежда, что государство нас не оставит в беде, не сбылась. Жили очень бедно. В школу ходили в лаптях и котках (обувь, сшитая их кожи, отороченная тканью). Мама сеяла лен в огороде. Обработывала его, делала волокно, пряла, ткала из него полотно и шила нам одежку. Зимой, правда, у нас всегда были валенки, т.к. держали в хозяйстве две-три овцы. А еда была однообразная – это картошка, капуста и другие овощи. Летом собирали пистики, горькую редьку, кислицу, потом ягоды, грибы. От плохой пищи мы все переболели золотухой, что сказалося в старости на зрении. Помню, когда из Перми приезжали мамины сестры, наши тети, привозили гостинцы

(конфетки-подушечки, баранки, булочки), то столько было радости. Но это случалось очень редко. Было очень трудно, но мы выжили, благодаря нашей дорогой и любимой маме.

Старшая сестра Люба закончила только начальную школу и пошла работать в колхоз. Ей было всего двенадцать лет, а она грудилась наравне со взрослыми. А как стала постарше, ее стали отправлять на самые тяжелые работы: рубить лес, ремонтировать дорогу, косить, грузить мешки с зерном или картофелем. В результате никакого здоровья, всю жизнь болеет, уже много лет она инвалид второй группы. Она одна вырастила двух дочерей Зою и Галю, у нее четверо внуков и три правнука. А средняя сестра Анфиса, можно сказать, с детства инвалид, у нее больная нога. Мама решила ей любой ценой дать образование, т.к. физический труд в колхозе был бы не по ее силам. После семилетки сестра поступила в педагогическое училище, в Пермь. Проучившись три года, она всю жизнь проработала на одном месте, в Кукетском детском саду, воспитателем. Они с мужем вырастили трех прекрасных детей. Сейчас у них шесть внуков и шесть правнуков. Ее муж Мошев Федор Трифонович тоже сирота войны. Его отец Мошев Трифон Иванович погиб в Ленинграде и похоронен на Пискаревском кладбище. Фиса тоже уже давно инвалид второй группы.

Мне удалось девять лет проучиться в средней школе поселка Зюкайки. А десятый класс я заканчивала уже в школе рабочей молодежи № 25 города Перми. Одновременно работала в Пермском отделении перевозки почт сначала грузчиком посылок, позднее кассиром.

Что рассказать о школьных годах? Помню, что уже с первого класса нас приучали к труду. Осенью мы убирали морковь, картофель, помидоры, огурцы, весной сажали кукурузу. А в старших классах труд для нас был обязательным. Весной и осенью по месяцу и больше работали в учебно-трудовом лагере: копали картофель, рвали лен, убирали капусту и т.д. За это нас кормили. Летом тоже работали: пасли коров, гребли сено, возили копны, ломали ветки, из которых вязали веники на корм скоту. В августе нас уже заставляли работать на комбайне: сыпали из бункеров рожь в мешки и сбрасывали их в поле. После окончания средней школы я поступила в Пермский педагогический институт (сейчас университет). На очном отделении удалось проучиться лишь год. Стипендии на жизнь не хватало. Стала

работать в школе. Вышла замуж. Вместе с мужем Груздевым Иваном Митрофановичем вырастили двух дочерей Марину и Веронику. Дочери отлично учились в школе, потом обе закончили механико-математический факультет Пермского государственного университета. Старшая Марина живет в Москве, работает в РАО «Норильский никель». Вероника живет в Перми, она частный предприниматель. У нас трое прекрасных внуков: Дмитрий, Кирилл, Павел. Все они хорошие парни, работают. У Димы своя семья. Его дочка, наша правнучка Катюша, учится во втором классе. Живут они в Калуге. Внук Кирилл занимается фотографией профессионально. Снимает пейзажи. Его работы неоднократно занимали на выставках призовые места. Внук Павел учится в институте, в Москве, работает в автосервисе. Есть еще у нас внучка Олеся, наша любимица. Она учится в четвертом классе, хорошо рисует, занимается в театральной студии. Наши дочери и внуки заботятся о нас, помогают, Мы с отцом гордимся ими. Мы оба с мужем ветераны труда, инвалиды по болезни, но стараемся заниматься еще и общественной работой. Хотя нам уже пошел восьмой десяток лет, содержим большой огород, а это свои ягоды, овощи, что является неплохой прибавкой к нашей пенсии.

Наша мама Неволина Анастасия Федоровна прожила 93 года. Она умерла в 1998 году. Последние десять лет она сильно болела и была совершенно слепой. Не жила, а мучилась. Мы с сестрами за ней ухаживали. Ничего радостного в ее жизни не было. Она до конца своих дней оставалась верна своему мужу. Ей было всего тридцать шесть лет, когда папу призвали на войну. Помню, она говорила, что

«закон» нарушать не будет. Это она так называла венчание с папой. Так и прожила, милая, одна, не испытыва настоящего личного счастья. А как трудно было содержать в деревне дом, свое хозяйство без мужских рук. Постоянно приходилось нанимать людей, чтоб что-то отремонтировать. Маму мы очень жалеем и помним ее. Спасибо ей огромное и светлая ей память за то, что вырастила нас, помогала нам всегда и советом, и материально.

Анастасия Федоровна с дочерьми
Анфисой и Анной

Еще хочется рассказать о родственниках, погибших на войне 1941-1945 годов. На войну ушли восемь наших близких родственников. Из них вернулась домой только одна тетя Старкова Полина Федоровна. Погиб под Ленинградом родной брат моего отца Неволин Григорий Степанович. Он погиб в один день с моим папой, 18 сентября 1942 г. Он был на два года старше брата. Жил с семьей в Зюкайке, работал на льнозаводе. После смерти матери его отдали совсем к чужим людям, где заставляли работать с утра до вечера. Он умел все: и шерсть прясть, и вязать, и шить, т.к. с десяти лет его заставляли это делать. У него было четверо детей: три сына и дочь. Тоже им пришлось нелегко выживать в войну и послевоенные годы. Но все выжили, у всех большой стаж работы. Жаль, что двое из них уже ушли в мир иной, это двоюродные брат Василий и сестра Анна.

А другой наш дядя, родной брат мамы, погиб совсем молодым парнем. Это Старков Иван Федорович 1921 г.р. Он вырос сиротой, нахлебался досыта лиха. Он только закончил Верещагинское железнодорожное училище, начал работать помощником машиниста, как началась война. Погиб он в 1942 году в Калининской области (Тверской), похоронен в деревне Орехово Молодотудского района.

Не вернулись с войны также три моих дяди, это мужья маминих сестер. Это Черемных Григорий Михайлович, он без вести пропал в Калининской области, осталось трое дочерей. Смирнов Василий Иванович 1915 г.р., пропал без вести, осталось двое детей, сын Василий и дочь Галина, инвалид детства. Соромотин Иван Михайлович – старший лейтенант, погиб в Калининской области в 1942 году. До войны он работал судьей в городе Очере. Тоже осталось двое детей. Двоюродный брат мамы Старков Василий Кириллович 1922 г.р., ему было всего девятнадцать лет, погиб в 1941 г., защищая Ленинград. Я их всех практически не знала и мало что могу о них рассказать.

А вернувшаяся с войны тетя Старкова Полина Федоровна 1925 г.р. работала медицинской сестрой в санитарном поезде. Ушла на фронт шестнадцати лет. Она мне много рассказывала о войне. Они забирали раненых с полей сражений и отвозили их на восток, т.е. на Урал и в Сибирь. Часто попадали под бомбежки. Они первыми приезжали в освобожденные города. С ужасом я слушала ее рассказ о Сталинграде. Они приехали туда сразу после его освобождения от немцев, в феврале 1943 г. Город весь был усыпан трупами русских

солдат и немцев, весь был загажен, не было видно ни одного целого дома. Стояло страшное зловоние. Она демобилизовалась уже в 1946 году, вернулась в Пермь, здесь и прожила всю жизнь. Работала медицинской сестрой в железнодорожной больнице, в клинике КГБ и в студенческой поликлинике. У нее была прекрасная семья. С мужем Старковым Владимиром Михайловичем они жили очень дружно, воспитали двух прекрасных сыновей Игоря и Олега. Владимир Михайлович всю жизнь проработал на военном заводе. Мы им очень благодарны. Они помогли нашей маме нас вырастить. Три года жила у них моя сестра Фиса, пока училась в педагогическом училище. Приютили и меня, когда я училась в десятом классе, да и потом всю жизнь мы были вместе. Они и считали меня своей дочерью. Я очень многому у них научилась. Жили они в тесной квартире на Советской улице, но и нам там находилось место. Позднее, конечно, они жили в больших благоустроенных квартирах. наших дорогих родственников уже нет с нами, но мы их любим и помним. У тети очень много наград.

Не могу не вспомнить и своих односельчан из деревни Малый Кокуй Семибратовского сельского совета, Верещагинского района. Этой деревни уже нет с семидесятых годов того века. А когда-то в ней было около двадцати домов. Ушли на фронт из деревни шестнадцать мужчин и две девушки. Не вернулись с войны двенадцать человек. Пропал без вести в 1942 г. Тиунов Никонор Терсеньевич 1907 г.р. Осталось четверо сирот. Не вернулись домой два брата Тиуновы: Николай Михайлович 1917 г.р., пропал без вести в 1941 г., Павел Михайлович 1916 г.р. пропал без вести в июне в 1942 г. Пропал без вести в 1944 г. Тиунов Иван Емельянович 1921 г.р., наш родственник по отцу. Он был лейтенантом, командовал ротой. Я знала его маму Тиунову Ксению Михайловну. Она была инвалидом, хромила, ходила с тросточкой. Одна вырастила сына, дала ему высшее образование. Она до конца своих дней хранила книги сына. Я помню эти полки, заставленные ими. Это была очень сильная женщина. В колхозе она не могла работать из-за болезни, зато имела большой огород и держала пчел, большую пасеку. Вся округа брала у нее мед. Когда приходило время медосбора, она собирала нас, детей, со всей деревни и угощала свежим медом. Какой это был для нас праздник, сладкого же мы почти не видели.

Ушли на фронт и не вернулись братья Уточины: Алексей

Иванович 1915 г.р. пропал без вести в январе 1942 г., Иван Иванович 1920 г.р. пропал без вести в марте 1943 г.

Братья Лапины: Сергей Павлович 1900 г.р. погиб в бою в 1942 г., Федор Павлович 1910 г.р. пропал без вести в августе 1942 г.

Также не вернулся с фронта Лапин Андрей Данилович 1911 г.р. Он пропал без вести в 1942 году, осталось двое маленьких детей.

Погиб в бою Арапов Михаил Михайлович, наш дальний родственник, осталась сиротой дочь Нина.

А теперь еще о папе. Мы знаем, где он похоронен. Это село Самофаловка Городищенского района, Волгоградской области, триста метров от станции Котлубань. В девяностые годы у братской могилы сооружен мемориал: шестьдесят четыре мраморные плиты с фамилиями погибших, а в центре скульптура скорбящей матери. Местные жители, учащиеся школы ухаживают за мемориалом: обновляют надписи, сажают цветы, убирают листву. За это им огромное спасибо от нас, детей погибших солдат. Мы посещаем могилу с семидесятых годов того века. Последнее десятилетие почти каждый год кто-то из семьи бывает там. Сейчас уже стали ездить наши внуки и правнуки. В 2012 году мы, две сестры и две племянницы, опять побывали там. Глава администрации Самофаловского поселения Песковатсков Сергей Александрович свозил нас на своей машине на линию фронта. Это четыре километра по бездорожью. Как же мы благодарны ему за это! Зрелище незабываемо. По всей степи окопы, воронки. Всё усыпано гильзами, неразорвавшимися патронами, осколками гранат, разбитыми касками, подметками солдатских сапог, пряжками солдатских ремней. А самое главное: вся земля усыпана мелкими останками (косточками) погибших, которые собрать невозможно. Ежегодно здесь работают отряды поисковиков. В 2011 году подняли из земли 580 останков, только четырёх из них можно было опознать. В предыдущие годы находили и по 1000 и по 1500 останков. А мелкие фрагменты скелетов постоянно вымываются дождями и разносятся ветрами по степи. Земля от них кажется белой. Как сказал Сергей Александрович, что вся котлубанская земля – это братская могила, где каждый сантиметр пропитан солдатской кровью. Немцы понесли здесь огромные потери, что помогло потом выбить их из Сталинграда.

Мы, пока живы, всегда будем помнить нашего дорогого папу,

так и не увидевшего своих любимых дочек взрослыми. Как бы он радовался внукам!

Ему было всего тридцать шесть лет, когда он погиб. Мы рассказываем о нем своим внукам, правнукам и надеемся, что они будут хоть изредка посещать место гибели их деда.

К 60-летию Победы

«В архивах семьи НевOLIиных хранится крохотная фотография 2x3. Это то, что осталось от их отца, Ивана Степановича. И еще - памятная мраморная доска в поселке Котлубань Волгоградской области. Осенью этого года дочери ездили на братскую могилу, где покоится их отец. Любовь Ивановна, старшая дочь, уже однажды была там, так что дорога в этот раз не казалась такой длинной.

Вспоминает Любовь Ивановна: «Папу на фронт провожали три раза. Последнее прощание было печальным. Отец перецеловал всех своих девочек: Любу, Анфису, Анну, долго стоял, обняв жену свою, Анастасию Федоровну, попрощался и ушел. Ушел навсегда. Больше мы его не видели.

Отец наш родом из д. Поносово, была когда-то такая деревня в Верещагинском районе. В восемь лет остался без отца - тот погиб в первую мировую войну. Чтобы как-то жить, не умереть с голоду, мать всех своих четверых детей отправила в люди. Иван научился кузнечному ремеслу, которое кормило его и семью. В 18 лет женился. Потом появились и мы. Папа до самой войны работал кузнецом в колхозе «Культура» (деревня Малый Кукуй). Отсюда ушел на фронт. Мы каждый день ждали весточки от него. За почтальонкой по пятам бежали. Погиб наш отец 18 сентября 1942 года.

И в этот же день и год погиб его старший брат Григорий, наш дядя. У него тоже была непростая судьба. Воспитывался в людях. Всего в жизни добивался сам. Захотел попробовать другой, не деревенской жизни, и в 1935 году вместе с женой Екатериной Михайловной и детьми переезжает в п. Зюкайка. Поступает на маслозавод, но когда встал вопрос о получении квартиры, переходит работать в льносовхоз «Уралец». В 1939 году Григорий уходит в действующую армию. Осенью этого же года возвращается домой.

Когда началась Великая Отечественная, Григорий уходит на фронт. Сначала Бершетские лагеря, где проходит подготовку, а потом Ленинградский фронт. За выполнение задания ему полагался отпуск, но так как кругом бомбили, он выбраться домой не смог. И со своей частью уходит дальше на фронт.

А потом пришел вызов в военкомат. Екатерина Михайловна, жена его, вернулась оттуда с похоронкой».

Вот такая непростая солдатская судьба двух братьев - Ивана Григория. В нашем районе живут их дети, внуки. Для нынешнего поколения НевOLIиных, Мошевых, Груздевых, Жуйковых память об отцах, дедах - это свято».

*З. Федотова, библиограф,
п. Зюкайка.
Газета "Заря"*

На фото: дочери И.С.Неволина
на братской могиле в п. Самофаловка

ОБЕЩАЛ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ

Двоеглазова Канитолина Николаевна

Я являюсь дочерью Суслова Николая Андреевича. Мой папа родился в 1903 году в деревне Рябово Зуринского района, Удмуртской АССР. Работал бригадиром в колхозе. Был очень добрым, заботливым, любил нас. В начале Великой Отечественной войны был призван в ряды Советской

Армии. Я помню, как его провожали. Все плакали. А он сказал нам: «Я скоро вернусь, слушайте маму, помогайте ей». Но не пришлось вернуться папе домой. В декабре 1941 года он пропал без вести. Нас у мамы Сусловой Веры Федоровны осталось трое. Самой старшей было восемь лет, а младшему – один год. Жить было очень трудно.

Мама трудилась в колхозе на разных работах.

Мама Суслова
Вера Федоровна

Часто ее отправляли на лесозаготовки, и мы оставались почти одни. Правда, ее двоюродная сестра иногда приходила и присматривала за нами. В колхозе на трудодни почти ничего не давали. Выживали за счет своего хозяйства. А в хозяйстве-то одна корова – кормилица. А от нее молоко надо было сдавать государству. Собирали крапиву, полевой хвощ, весной мороженую картошку. Из всего этого мама пекла какой-то хлеб. Летом собирали ягоды, носили на рынок за десять километров, где продавали стакан по десять копеек. Вот так проходило наше детство. Все не расскажешь.

Все мы выросли, выучились. Я закончила десять классов, потом поступила в техническое училище в Ижевске. После окончания пошла работать в ОТК Ижевского завода № 74. В 1964 году вышла замуж и переехала в город Врещагино. Работала некоторое время на

трикотажной фабрике, потом секретарем в школе № 1. Позднее перешла работать в дистанцию пути, откуда и вышла на пенсию. Мой муж Двоеглазов Юрий Иванович работал в первой школе, преподавал математику, физику, несколько лет был завучем, семнадцать лет – секретарем партийной организации. Он умер в 1992 году. У нас с ним двое детей: дочь Марина и сын Сергей. Оба получили высшее образование, работают на железной дороге. У меня трое внуков.

Моей старшей сестре Алевтине Николаевне уже 83 года. Она живет в Перми, ей помогает сын. У нее есть внуки и правнуки. Брат Александр Николаевич живет в Ижевске, ему уже тоже за 70.

Мы очень хотели бы знать место захоронения папы. Я писала в Центральный архив Министерства обороны, откуда был дан ответ, что отец пропал без вести. Чтобы дали точную справку о его судьбе, нужно знать номер воинской части. А у меня нет таких данных. На войне погиб и брат отца (мой дядя) Суслов Александр Андреевич. О его судьбе также ничего неизвестно. Погиб он совсем молодым парнем, не познав ни личного счастья, ни других ценностей жизни.

Наша жизнь подходит к концу. Мы всегда будем помнить наших любимых родителей с их нелегкой, трагической судьбой.

Суслов Александр Николаевич

Капитолина Николаевна и
Алевтина Николаевна

ВСЕ ПОКРЫЛОСЬ ЧЕРНЫМ, ТЯЖЕЛЫМ, СТРАШНЫМ МРАКОМ

Деменева Валентина Ивановна

Война прошла страшной, безжалостной, жестокой гусеницей-колесницей по нашей Родине. Она коснулась своим насилием почти всех жителей нашей страны. Она вонзилась в наши сердца тяжелой болью и горем на всю жизнь. Особенно тем, кто потерял своих родных.

Тетенев И.Ф.

Не обошла стороной эта беда и мою семью. Была прекрасная, радостная, солнечная жизнь для меня, десятилетней девочки. Любимые, дорогие, молодые родители, куча маленьких братьев и сестра. Папа Тетенев Иван Фролович работал в колхозе «Наука» бригадиром тракторного отряда, трактористом, комбайнером. До сих пор у меня в ушах звучит рокот этих машин. «Ура! Папа приехал!» – встречали мы его после работы. Когда мы с братьями приносили папе еду в поле, то он катал нас в бункере комбайна. Жизнь была полна

веселья и хозяйственного труда.

Жена и дети Тетенева И.Ф.

И вот все оборвалось. Все покрылось черным, тяжелым, страшным мраком. 22 июня 1941 года я запомнила на всю жизнь. Воскресенье. У нас престольный праздник. Пришли гости. Сели за стол. У всех праздничное настроение: встреча родных. И вдруг является незваный гость, председатель колхоза Волегов Г.Л. Он объявил, что началась война, и вручил папе повестку в военкомат. Это известие было сродни удару молнии. Как сейчас помню, все в

рев, папа упал на кровать, и его плечи затряслись. Он понимал, что все кончилось, пришла страшная беда, надо защищаться. Что тогда началось! Нет слов, чтобы описать эти страдания, горе, беду, рев, стон. Эти расставания, ожидания, бесконечные волнения...

И вот 23 июня 1941 года мы провожали папу. Наш починок Семеновский находился в двадцати километрах от Верещагино. Запрягли жеребца Молодца, на телегу усадили нас: меня, братьев Алексея и Сергея. Сестренке Марине было шесть месяцев, ее оставили дома. Лошадью управлял дедушка Карл Яковлевич. Приехали на

Семья Тетеневых перед отправкой отца на фронт

площадь, которую называли площадью плача и правильно называли. Когда мы приехали, она вся была заполнена конными повозками, как будто весь район собрался в центре города. Повсюду раздавались рев и стон провожающих. Все переживали, выли от горького страдания перед неминуемым расставанием на долгие годы, а может, и навсегда. В этот день мы сфотографировались. К счастью, папу в этот день отпустили домой, т.к. надо было убирать зерновые комбайном. Эти два счастливых месяца он был с нами. 23 августа 1941 года он опять получил повестку на явку в военкомат. Теперь его не вернули, и он уехал от нас навсегда. В сентябре мы уже стали получать письма с Волховского фронта. С трепетом и волнением каждый день ждали весточки. Письма приходили редко. И вот в октябре папа сообщает, что его ранили в левую руку и он едет в госпиталь через Казань. Привезли его в город Иланск Красноярского края. Рана заросла, но пальцы плохо двигались. Несмотря на это, его выписали и снова отправили на фронт, под город Ржев, где немцы пытались обойти Москву с севера. Везли папу через Верещагино, и он сумел на полчаса забежать домой. Это была короткая и волнительная встреча. Я его запомнила в солдатской форме на всю жизнь. На память нам оставил солдатский котелок и фланелевые портянки. Младшая сестра Мария выросла в платье, сшитом из этих портянок.

Под Ржевом, куда увезли папу, была настоящая мясорубка. Немцы остервенело рвались к Москве, но и наши солдаты стояли насмерть, не пропускали врагов. Бедный Ржев был разрушен так, что там

остались только три дома. 505 страшных дней сражений. Из них четыре первых месяца (декабрь, январь, февраль, март) папа был участником этих сражений. Он был минометчиком, а Костылев Федор из деревни Пермской Очерского района подносил мины (так писал папа). Отец посылал нам две вырезки из фронтовой газеты, где описывались их успехи по уничтожению вражеских точек. К сожалению, эти заметки не сохранились. Из-под Ржева мы получали письма часто. Писал нам наказы, чтобы мы слушали маму, помогали ей, учились хорошо. Было тревожное и тяжелое время. Каждый день узнавали, что кто-то погиб из нашей деревни или из соседней. Это был страх ожидания. Вот и в наш дом пришла страшная беда. В марте мне почтальон вручил письмо. Смотрю, почерк чужой, что случилось? Раскрываю треугольник, а там написано: «Ваш муж Тетенов Иван Фролович получил тяжелое ранение в живот и скончался 17 марта 1942 года в деревне Бабаево». Писал Федя Костылев. Сам он не видел, как погиб папа, был в бою. Ему передали солдаты из части эту весть. Трудно выразить словами то страшное горе, которое постигло нас. Мы стали сиротами. Эта горькая участь сопутствовала нам всю жизнь. Мне было одиннадцать лет, брату Алексею – восемь, Сергею – пять, Марии – один год и один месяц. Нужно было учиться жить без отца. Летом нам вручили похоронку и назначили пенсию в 126 рублей.

Такая участь постигла многие семьи. Привычка к крестьянскому труду с малых лет спасла нас от голодной смерти. Мы очень рано научились держать в руках пилу, лопату, серп, веретено, тяпку. Эти «друзья» нас выручали. Братья мои еще в школу не ходили, а с утра шли пилить и колоть дрова, приносили их домой и топили печь. Большим подспорьем была корова, за которой ходили мама и я. Молоко было, а хлеба не видели неделями. С весны до августа питались травяными лепешками, ягодами, грибами, пистиками. Так бы и жили около мамы, трудились и учились. Но вот новый страшный удар по нашей семье. Один пермский бандит подглядел, что у нас есть куры. А почему их не взять у женщины? И вот в ноябре 1943 года, через полтора года после гибели папы, он пробрался в нашу конюшню и стал резать кур. Мама услышала шум и побежала туда. Бандит нанес ей десять ножевых ран. Когда нож сломался, он убежал. Маму удалось спасти ради нас, наверно. Бандита поймали наши соседи, родные,

наказали и посадили гада.

Теперь мы стали почти круглыми сиротами. Мама стала инвалидом первой группы. Работать она не могла. Мы уже стали постарше и могли сами себя обеспечивать. Опять выручил крестьянский труд. Мама нам напоминала, что необходимо делать, и мы исполняли. В это невообразимо страшное для нас время поддерживали и помогали нам наши дорогие, бесценные земляки, кто словом, кто делом. Мы ведь жили в деревне, где все были родственниками, близкими, дальними. Вот кто умел воспитывать настоящих людей! Малограмотные, а то и совсем безграмотные, добрые, деловые, немногословные соседи. Я никогда не забуду их бескорыстную помощь. Морозова Зоя Карповна – моя старшая двоюродная сестра, имея своих трех детей, она нас во всем спасала: навещала, поддерживала, пахала огород, возила на мельницу наше зерно. Кроме того выполняла в колхозе самую тяжелую мужскую работу: зимой работала на лесозаготовках, весной пахала поля с раннего утра до позднего вечера, а в августе возила хлеб в заготзерно. Бедная сестра простудилась, надсадилась и умерла на сороковом году жизни в 1954 году. Оставила и своих детей круглыми сиротами, младшей было всего семь лет. И опять ее старшая дочь помогла вырасти младшей. Дедушка Ларионов Карп Яковлевич, отец мамы, не оставлял нас без внимания и материальной поддержки, хотя ему было восемьдесят лет. Его братья Ларионов Сергей Карпович, Ларионов Степан Карпович поддерживали нас, чем могли. Тетенов Роман Филиппович был очень старым, а привозил нам дрова. Тетенов Спиридон Филиппович катал нам валенки. А Ларионов Максим Кузьмич учил меня укладывать сено в стога. Как было легко с ним работать, он умел учить шуткой.

Каждое лето во время войны и позже мы, дети, трудились в колхозе. Выполняли самую разнообразную работу. Ведь в деревне остались старики, женщины и дети, а хозяйство было большое, надо было все сделать вовремя.

Из нашей деревни ушли на фронт десять человек.

-Тетенов Степан Васильевич, молодой, красавец, пропал без вести.

-Тетенов Федор Васильевич ушел сразу после окончания средней

школы, был ранен в ногу, умер молодым в 60-х годах.

-Тетенев Иван Фролович, мой папа, погиб под Ржевом в марте 1942 года.

-Тетенев Григорий Николаевич вернулся очень больным, израненным, умер в 1951 году, оставив сиротами шесть детей.

-Тетенев Леонид Филиппович прошел фронтовыми дорогами до Германии, вернулся относительно здоровым.

-Фадеев Тихон Яковлевич был ранен в руку, вернулся, трудился в колхозе, умер в 70 лет.

-Колесников Иван Семенович вернулся с войны, работал в колхозе и на железной дороге, умер в 50 лет.

-Наксенович Иван Семенович, эвакуированный из Ленинграда, красавец, любимец всех девочек, трудолюбивый, скромный, один сын у матери, ушел на фронт в 1943 или 1944 годах. Он написал всего одно письмо маме. Больше о нем ничего неизвестно. Его фамилии нет в «Книге памяти», очень жаль. Это достойный молодой человек и солдат.

-Ларионов Никита Иванович и Фадеев Яков Алексеевич были призваны в трудовую армию.

Никого из этих воинов уже нет в живых, но мы их всех помним.

Из моих родственников я не могу забыть замечательных людей, не вернувшихся с войны.

-Мокрушин Афанасий Максимович погиб в 1944 году. Он был железнодорожником, сам построил дом для семьи, но пожить в нем ему не пришлось. Оставил жену и дочь. Соломия Карповна прожила с памятью о муже до 1984 года и всегда говорила о нем, как о живом. Вот эта была любовь и верность до гроба.

-Томилов Тихон пропал без вести, оставив жену и двух детей сиротами.

-Ларионов Анатолий Иванович и Ларионов Леонид Сергеевич ушли на фронт совсем молодыми и пропали без вести в самом начале войны.

Хочется вспомнить и Ларионова Разумника Сергеевича, который совсем молодым ушел на войну, к счастью, остался жив. Домой вернулся только в 1948 году на радость всей нашей большой многострадальной родне. Работал машинистом электровоза,

закончил Московский энергетический институт. Последнее время работал инженером на станции Пермь II. Умер в 2010 году.

Наша маленькая деревня держалась в 40-е-50-е годы на стариках, женщинах, детях. Тяжелая работа, труднейшее материальное положение, непомерные налоги выжимали подрастающее поколение из деревни. Мама нам говорила: «Ребята, идите, куда глаза глядят, в колхозе работой замучают и голодом заморят!» А как не хотелось покидать родной уголок! У меня до сих пор сердце щемит от тоски по своей родной деревне, я называю ее «райским уголком» по сравнению с тем, что пришлось пережить, следуя словам мамы «куда глаза глядят». Старые люди постепенно умерли. Последняя женщина Тетенева Федосья Григорьевна умерла в 1953 году, так и не уехав из деревни ни на один день. Пять лет жила в лесу совсем одна. Какой же сильной была любовь этой женщины к своей Родине. Я думаю, если бы не коллективизация крестьян да не война, разве бы люди бежали из деревни, как от чумы, преодолевая чувство любви к ней, к родному очагу.

Наша изба тоже стала разваливаться. Мама обратилась в 1949 году к председателю колхоза, чтобы оказал помощь в ремонте крыши. Пообещал дать немного горбыля, но на этом его «помощь» закончилась. Маме пенсию не давали, не положено, а вот платить сталинские налоги до 1953 года было положено. Нам пришлось бросить свою деревню. А как не хотелось! Так мы оказались в Субботниках, а потом в Верещагино, кочуя из одной трущобы в другую.

Я как-то на работе сказала, чтобы мне улучшили жилищные условия, ведь я до 1960 года содержала и учила детей-сирот войны, моих братьев, да и мама, вдова войны, жила со мной, не получая от государства ни копейки за погибшего мужа. Мне ответили просто и весело: «Это не считается!» Я только к 80-ти годам от роду, в 2010 году, купила подходящее жилье, скопив немного денег.

У памятника погибших воинов под г.Ржев

В 1975 году, когда стали отмечать День Победы и вспомнили про погибших воинов, мы всей большой семьей съездили в Ржев, на братскую могилу, где покоится наш отец. Я, Алексей, Сергей, Мария и наши дети, т.е. внуки папы Саша, Вова, Саша, Света. Теперь уже нет в живых Алексея и Марии. Сначала мы остановились в городе Ржеве, где нас встретили хорошо. Побывали в музее «Боевой славы». Нам рассказали о тех страшных сражениях, которые проходили на ржевской земле. Особенно мне запомнился последний бой взятия Ржева. Наши части находились на левом берегу Волги, который был очень высокий. Как только наши солдаты выходили, немцы по ним стреляли, т.к. находились на правом низкой берегу и сильно укрепленном. Бедные наши солдаты кувырком падали в Волгу, кто живой, кто мертвый. Река была красной от крови, а последние части шли по погибшим солдатам, как по плотам. 505 дней тяжелых, кровопролитных боев держала наша армия. Как же трудно было солдатам: место болотистое, окопаться было невозможно. Танки застревали в болотной жиже, а танкисты расстреливались немцами. Показали нам «Книгу памяти». В ней мы нашли нашего отца, но не нашли Костылева Федора. Видимо, он погиб не под Ржевом. На высоком берегу Волги стоял обелиск в море красных цветов.

В Ржевском районе сорок братских могил. Часть, в которой служил мой папа, отнесена к братской могиле деревни Кокошилово. Местные жители нас встретили очень хорошо. Нас поместили у Раисы Михайловны. Она всю войну жила в этой деревне, от которой осталось только несколько домов после сражений. В ее доме был госпиталь, помещались до семидесяти раненых. Она рассказывала, что у нее около дома была куча отрезанных рук и ног, которые позднее тут же закопали. Деревню несколько раз бомбили, до сих пор сохранились воронки от бомб, заполненные водой. Рассказывали, что в Кокошилово были Конев И.С., Симонов К.М.

9 мая у братской могилы был митинг, приезжало много сирот и вдов войны с разных городов России. Возлагали цветы, венки, было много выступающих. Председатель сельского совета рассказывала о тех страшных событиях, которые выпали на долю местных жителей, солдат, оборонявших Ржев. После митинга был общий поминальный обед, приготовленный местными жителями. Были горькие

воспоминания, слезы утраты. Одна вдова привезла флакончик духов, подаренный ей мужем перед войной, с горькими слезами вспоминала его. Эта поездка оставила неизгладимое впечатление в нашей памяти. Сиротство страшно со всех сторон, нам никогда не было скидки ни в чем. Мы не получили никакой компенсации за погибшего отца, получали мизерную пенсию, которую возвращали налогами и займами обратно государству. Мне досталось особенно трудно. С 1942-1945 годы я училась в школе № 1, а дома в это время с мамой жила Тетенова Анисья Филипповна, она и помогала ей во всем. А когда в 1945 году я поступила в Очерское педучилище, мама пустила в наш дом фронтовика с семьей, которые тоже помогали маме по хозяйству. Вот так с помощью добрых людей я получила образование и стала работать учителем в местной школе. С 1948 года уже вся семья: мама, братья и сестра – стали моими подопечными, я их учила до 1960 года. Брат Сергей закончил Зюкайский техникум, стал механиком, четыре года отслужил на Тихоокеанском флоте. Алексей закончил Верещагинское железнодорожное училище, три года служил в армии, в Украине. Сестра Мария выучилась тоже на учительницу, но в школе работала мало, трудилась диспетчером в Верещагинской СХТ.

У меня два сына. Я им благодарна за все. Как мать, я очень рада, что они были примером для других. Я приучила их с детства к труду, учила тому, что сама умела. Учила владеть орудиями труда, ремонтировать хозяйственные постройки, ухаживать за животными, учила всему тому, что необходимо в жизни мужчине.

Оба отслужили на Тихоокеанском флоте, походили по трем океанам, получили хорошую жизненную школу. Сразу женились после службы, построили дом, один на двоих, вырастили детей. Внук Рома, сын Саши, окончил электромеханическим факультет, работает электромехаником на железнодорожной подстанции вместе с отцом. Внучка Аня, Сашина дочь, бухгалтер, живет в Перми, нянчит сына Никиту, моего правнука.

У сына Володи две дочки. Алевтина закончила Пермский госуниверситет, работает в банке. Дарья закончила колледж, работает в Перми. Пока все нормально. Желаю, чтобы внук и внучки создали здоровые семьи и продолжили наш род. Хочется, чтобы дети и внуки всегда помнили о войне, о погибшем деде, не забывали те страшные события, какие перенесли мы, старшее поколение.

НЕ ВЕРНУЛИСЬ ЧЕТЫРЕ БРАТА ИЗ ШЕСТИ

Деменев Сергей Васильевич

Деменев
Сергей Васильевич

Начну с деда Деменева Николая Филипповича. Он служил в 1905 году в Царской армии, в береговой артиллерии. Дедушка рассказывал мне много интересного о своей службе. Он видел, как подорвался корабль «Петропавловск» на японской мине и ушел на дно. Никто не спасся. Среди погибших были адмирал Макаров и художник Верещагин. Я знаю, что в честь этого великого баталиста назван наш районный город Верещагино, так как он останавливался на нашей станции, когда ехал на поезде на Дальний Восток. Ещё помню, как дед читал мне книгу «Порт Артур». Я слушал, затаив дыхание. Дедушка был ранен, награжден серебряным Георгиевским крестом. После возвращения со службы он женился на Марфе Галактионовне. Жили они долго и счастливо, вырастили шесть сыновей и трех дочерей. Бабушка была награждена медалью «Мать-героиня». Жили они в деревне Ужегово Верещагинского района. Моё детство в основном прошло у них. Когда учился в четвертом классе, то жил в их семье постоянно. Дедушка умер в 1955 году. Их старший сын Деменев Иван Николаевич погиб ещё в гражданскую войну.

Пять сыновей Николая Филипповича и Марфы Галактионовны защищали нашу страну от фашистов в Великую Отечественную войну. Трое погибли.

Это мой отец Деменев Василий Николаевич 1910 г.р., до войны он работал в Путинской МТС механиком. Он воевал на Халхин-Голе, участвовал в Финской кампании в 1939 году.

В 1941 году был призван на фронт из села Путино. До 1943 года служил в Челябинске, обучал танкистов. Папа был в звании старший лейтенант. Потом его отправили на передовую. Был

командиром роты 11-го инженерного батальона. Умер от ран 8 октября 1943 года. Похоронен на станции Отрешково Курской области. Другой брат Деменев Афанасий Николаевич 1918г.р., старший лейтенант, помощник начальника штаба 40-го стрелкового батальона, 256-й отдельной стрелковой бригады, пропал без вести в декабре 1942 года. Его последнее письмо пришло из Вологды.

Погиб и самый младший мой дядя Деменев Анатолий Николаевич 1925г.р., рядовой, стрелок 910 стрелкового полка 243 стрелковой дивизии. Призван в 1943 году. Погиб в бою 3 сентября 1943 года. Похоронен в Изюмском районе Сталинградской области. Я его хорошо помню, т.к. мне было восемь лет, когда он был призван на войну. Это надо было пережить нашей семье, особенно дедушке и бабушке!

Воевали и два следующих моих дяди, младшие братья папы. Деменев Николай Николаевич, старшина, прошел войну, вернулся живым, жил в Литве, в Вильнюсе. Умер в 1978 году.

Деменев Леонид Николаевич служил в морской пехоте, потерял ногу. До смерти ходил на протезе. Умер в 1976 году.

Моё детство было голодным. Особенно тяжело было в 1945-46 годах. Спасал маслозавод. Мама Мария Севастьяновна работала в Путино, в колхозе. Кроме меня были ещё две младшие сестры Роза и Тамара. Прокормить нас было тяжело. Я жил часто у деда, ходил в школу за три километра. Летом работал в колхозе, зарабатывал трудодни для дедушки с бабушкой. Гонял лошадей в ночное, в сенокос возил копны, сушил зерно. Гонял по кругу лошадь во время обмолота зерна. На жатке косил вместе с дедом рожь, пшеницу. Дед управлял жаткой, а я сидел на первой лошади верхом. В пятый класс пошел учиться в Зюкайскую школу. Когда вырос, выучился на шофера. Сначала работал водителем на маслозаводе, потом в ПМК. В 1954 году устроился водителем на Зюкайский ремонтный завод, где отработал 38 лет и вышел на пенсию. Имею медали «Ветеран труда», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина», в 1973 году получил

медаль «Победитель социалистического соревнования». С женой Валентиной Ивановной вырастили двух детей. Сын Сергей живёт в Вознесенске, работает сварщиком. Дочь Елена – парикмахер. У нас четыре внуки, которых мы очень любим.

Ещё я хорошо помню 9 мая 1945 года. Шел митинг. Было много слёз. Почти в каждой семье имелись погибшие. Выступал Серафим Абросович Барковский, фронтовик, потерявший на войне левую руку. Он работал в школе физруком.

Я всегда буду помнить своего отца, его братьев, отдавших жизнь за нас, за нашу многострадальную Родину.

Список погибших и похороненных в братской могиле, в Курской области

УМЕР В ГОСПИТАЛЕ ОТ ТЯЖЕЛЫХ РАН

Дурегин Семен Андреевич

Я родился пятого июня 1932 года в деревне Саломатка Очерского района, в крестьянской семье. У меня были брат Петр 1923 г.р. и сестра Полина 1928 г.р., ныне здравствующая.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было девять лет. В августе 1941 г. отца Дурегина Андрея Григорьевича призвали на фронт, в пехоту минометчиком, а в декабре этого же года он пропал без вести. В марте 1943 года семнадцатилетним в армию призвали брата Петра, сначала он служил снайпером, потом полковым разведчиком. Был ранен. Умер в госпитале от тяжелых ран в 1944 году, похоронен в Ленинградской области, городе Кингисепп. Мы с мамой трудились в колхозе «Заря»: пасли скот, обрабатывали землю, убирали урожай. Подростком я работал на лошадях: возил почту, ездил в Верещагино за горючим для тракторов, сдавал зерно в заготконтору, в Верещагино. Потом работал прицепщиком на тракторе. Зимой отработал на лесозаготовках. Затем окончил школу механизаторов и стал работать на тракторе СТЗ. Был награжден медалью «За доблестный труд в ВОВ».

После смены спешил заготовить дрова и сено для своего хозяйства. Жить было трудно. Что получали от хозяйства, почти все сдавали государству для победы: шерсть, мясо, яйцо. А еще надо было платить налоги. Денег не давали. Выращивали и продавали картофель, капусту, чтобы уплатить их. Потом я служил в армии, в погранвойсках, в Закарпатье. После армии отработал тридцать лет на железной дороге, мой трудовой стаж – сорок пять лет. Имею звания «Ветеран труда» и «Труженик тыла». С женой Ларисой совместно прожили пятьдесят три года, воспитали двух трудолюбивых сыновей и двух дочерей.

Администрацией города в январе 2009 года отправлены документы на получение ордена «Родительская слава», но получить его, видимо, будет не суждено, мне в июне этого года исполнится 80 лет.

Дурегин Семен Андреевич

ПУСТЬ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ВОЙНЫ

Ефремова

Валентина Ивановна

Мой отец Южаков Иван Петрович 1913 года рождения погиб под Сталинградом 20.10.1942 г.

Я отца не помню, т.к. мне было два года, когда в августе 1942 года он ушел на фронт. Старшей моей сестре Галине было три года, младшей Зое было всего четыре месяца. Отец до службы в армии работал кинемехаником, потом - в милиции. Призвали его в августе 1942 года и направили на фронт под Сталинград, где он служил связистом и погиб.

Наша мама Южакова Прасковья Архиповна осталась одна с тремя малютками. Жили мы в Верещагино, в коммунальной квартире. Ни скота, ни огорода у нас не было. Мама пошла работать, нас со старшей сестрой Галей устроила в детский садик, младшую Зою в детские ясли. Я хорошо помню, как внимательны и ласковы с нами были воспитатели и нянечки. Помню, как мы ходили на прогулки за город, приносили подснежники и другие цветы раненым в госпиталь, который был в здании школы № один.

Раненые, многие из которых были лежачими, так были рады этим цветочкам и нашим посещениям.

Позднее, когда мы уже пошли в школу, мы приносили цветы на братскую могилу, где были захоронены умершие солдаты, ведь госпиталь наш был расположен глубоко в

Южаков Иван Петрович

Ефремова Валентина Ивановна

тылу, и направляли сюда тяжело раненных бойцов. И как только выжила наша мама, как ей тяжело приходилось. После садика мы, набегавшись на улице, спрашивали у мамы, что есть покушать. Она отдавала нам последние крохи и, наверно, думала: «Спросили бы вы, кушала ли ты сегодня, мама?» Единственный кусочек она делила на четыре части: нам троим и последний кусочек еще на три части - нам же.

За время войны и в первые годы после нее она продавала и выменивала вещи на продукты для нас.

Маме предложили одну из нас отдать в детдом, но мама сразу же отказалась, а нам сказала, что отдаст в детский дом ту из нас, которая плохо будет себя вести. Мы старались не озорничать, слушаться маму. Это был ее прием воспитания.

Когда я пошла в школу вслед за старшей сестрой, у нас были одно платье, пальто и обувь на двоих. Мама сшила нам из своего платья школьную форму, покрасила её в коричневый цвет, и мы были одеты как все. Хорошо, что учились мы в разные смены и школа была недалеко.

Как мы мечтали о победе! Часто вечерами мама перечитывала нам письма от папы. Их был немного, т.к. призвали его в августе, а в октябре 1942 года он уже погиб, защищая Сталинград. Мама плакала, рассказывая, как отец любил нас. В письмах он писал, что сердце его обмирает, когда думает о нас. Как нам было обидно, когда другие дети имели отцов, а мы были «безотцовщиной», как говорили злые люди. Мама говорила, что наш папа погиб за Родину, поэтому мы должны гордиться своим отцом. И мы гордились!

День Победы я помню. Все радовались, а мама плакала, обнимая нас. Война закончилась, но жилось все еще трудно. Хлеб давали по-прежнему по карточкам, его было мало, и часто ложиться спать приходилось полуголодными. Когда в 1947 году отменили карточки и мама поставила на стол полную тарелку хлеба, нам не верилось, что его можно есть, сколько хочешь.

И после войны долго еще жилось трудно. Старшая сестра Галина, окончив девять классов, пошла работать на знаменитую тогда во всем Советском Союзе Верещагинскую трикотажную фабрику. Хотелось хорошо одеваться, а маминой зарплаты и пенсии за отца

было мало. На семейном совете решили, что дальше учиться буду я, старшая сестра пойдет работать. Младшая Зоя после девяти классов уехала в Пермь учиться на строителя. Я же, закончив десять классов, решила стать юристом, пойти по стопам отца. Получив высшее образование, я проработала в Верещагинском отделе милиции двадцать шесть лет и вышла в отставку в звании майора. Воспитали с мужем двух детей, обоим дали образование. Дочь Лариса работает инженером на Калининской атомной станции, воспитывает дочь Юлию, которая учится в физико-математической школе. Сын Роман, тоже юрист, работает директором охранного агентства в Перми, у него двое детей.

Старшая сестра Галина работала в трикотажном ателье, младшая Зоя стала строителем. Обе тоже воспитали по двое детей.

Было трудно без отца, но мы выдержали. Я преклоняюсь перед своей мамой. Как ей было трудно, но она выстояла и нас воспитала достойными людьми. Не посрамили мы чести наших родителей. Вечная им память! Пусть никогда не будет войны. Пусть мир царит во всем мире!

ПАПА НЕС МЕНЯ НА РУКАХ

Желудкова Алевтина Павловна

Я родилась второго февраля 1941 года в посёлке Юг Верхне-Муллинского района, Пермской области.

Мой папа Кротов Павел Иванович родился тоже в этом посёлке в 1909 году. В его семье было десять детей. Мой отец был самым старшим. Работал он в совхозе «Юговской» бригадиром.

Мама, Рязанова Александра Романовна, родилась в 1915 году. Нас в семье было трое. Брат Евгений – старший, сестра Тамара и я – младшая. Провожали папу на войну всей семьей до пункта сбора. Папа нес меня на руках, а сестра, брат и мама бежали за ним плача. Жили мы очень плохо, как и многие семьи того времени. Ведь маме надо было поднимать одной нас троих. Но как бы ни было трудно, мы выжили. А в 1942 году папа погиб на войне. В 1949 году мы переехали жить в Верещагино. В 1950 году я пошла в школу, закончила десять классов в 1960 году. Поступила в училище № 76 города Перми. По окончании училища была направлена в Кудымкар. Но там нас не обеспечили работой и жильем, разрешили нам уехать домой. Приехав домой, я не нашла работу по специальности, устроилась в Госбанк курьером и так по лестнице вверх дошла до бухгалтера. Наша мама умерла очень рано, в сорок два года.

В 1996 году я вышла на пенсию. Теперь уж нет в живых ни брата, ни сестры, осталась я одна. Детей у меня было двое: старший Андрей 1965 года рождения, младший Костя

Павел Иванович Кротов

Место захоронения папы

умер в 2002 году. Мне уже 71 год, у меня трое внуков. Старшего внука Егора я воспитывала, можно сказать, с пеленок, сейчас он учится в одиннадцатом классе. Надеюсь, будем продолжать учебу где-то в высших учебных заведениях. Очень хочу, чтобы мои внуки не испытали в своей жизни и частицу того, что пережили мы.

О жизни во время войны и в первые послевоенные годы, о нашем военном детстве написал статью в газету «Заря» в 2000 г. наш бывший сосед, журналист Анатолий Пантюков.

Дом моего детства

Почему именно о доме по ул. Советская, 51 хочу рассказать, ведь таких домов в городе много? Во-первых, потому, что в нем жила наша и многие другие семьи, которые я знал. Во-вторых, и это главное, на мой взгляд, наш дом был своеобразным срезом военных и послевоенных лет, Фронт был далеко, но мы, тогда еще пацаны, чувствовали его по жизни наших матерей, соседей, по рассказам старших. Наш дом, как и сотни других, не обошло то суровое время. Да и не могло обойти...

Моя мама, Мария Семеновна Гачегова, поселилась в этом доме в середине войны. Отец, Александр Андреевич Пантюков, кадровый военный, погиб в самом начале войны в звании капитана. Мать жила какое-то время в деревне, а потом поселилась в доме по улице Советской. И прожила в нем сорок с лишним лет. Но рассказ мой не о нашей семье, а о тех людях, которые жили с нами по соседству и которые остались у меня в памяти.

Мы жили на втором этаже, в середине дома. В одной комнате, довольно просторной, почти в центре ее стояла печь. Две кровати и стол – вот и вся мебель. Однажды к нам пришли плотники и из досок построили в углу маленькую комнатушку. В ней поселились супруги Дровненко. Дядя Леша - высокий, худой, с большим носом, тяжелыми надбровными дугами, с глубоко запавшими глазами, казался мне суровым и угрюмым. Я его немного побаивался. Тетя Нюра - тихая, незаметная и молчаливая женщина. Они были эвакуированы с Украины. У дяди Леша не было правой руки почти по плечо. Меня

тогда удивляло, как он ловко крутил пальцами одной руки сигарку и зажигал спичку, зажав коробок между колен. И еще я знал, что он был болен туберкулезом. В их комнате стояли кровать и стол-буфет. А в буфете однажды появилась стеклянная вазочка с конфетами-подушечками...

И еще помню, к дяде Леше приезжал сын-моряк, высокий, стройный. Знакомые ребята прибежали посмотреть на настоящего моряка. А он, подвыпивший, сидел с нами и рассказывал, как потопили их корабль, и спаслись только несколько моряков. Именно тогда я твердо решил: как подрасту, обязательно стану моряком.

Вот тогда мы увидели войну: дядя Леша без руки, его сын – герой-моряк. Вскоре они от нас уехали...

Война всегда была рядом с нами, у многих детей нашего дома были только матери. Отцы воевали или погибли. Нашу квартиру еще раз перегородили и поселили другую семью Колобовых. У тети Веры были две дочери - Аля и Люба. Они были ровесницы моим сестренкам Неле и Свете, вместе ходили в садик, который был рядом с нашим домом, стоило пролезть через дырку в заборе. Тетя Вера, вечная грузеница, работала в депо или на стройке, почти всегда ходила в рабочей одежде, даже в праздники. Наверное, другой просто не было. Через стенку от нас жила другая семья - Кротовых. У тети Шуры было тоже двое дочерей, Тамара и Аля. Но больше всего мне запомнилась их мама, подвижная, шепотная, всегда в разговоре, всегда в делах. Она вставала рано, чтобы до работы успеть сварить картошку и продать ее у поезда. А вечером, бывало, звала мою маму: «Заходи ко мне, Мария, у меня кое-что есть».

В праздники делали так: каждая несла, что могла: картошку, капусту, огурцы, кусок хлеба. Застолье часто проходило у нас. Оно было шумным, рассказывали, перебивая друг друга, пели и плакали. Плакали и пели. Им было от чего лить слезы - мужей не было дома, а дети, те крутились вокруг или бегали на улице.

Парней на нашем втором этаже не было, они жили внизу. С ними я и дружил. Тоже безотцовщина – Ювеналий Ознобишин и Евгений Карелин. Они жили каждый со своей матерью в комнатках-каморках с одной общей дверью и общей кухней. Их матери, одна - парикмахерша, другая - разнорабочая в железнодорожном депо,

держались как-то особняком от верхнего этажа.

А мы, ребята, всегда бегали вместе: играли в «чику», купались в пруду, на «кирпичиках». Но война нас не забывала, игра в войну была любимой. Зимой одна группа с шумом брала «крепость» – длинный сарай-дровяник во дворе дома, а другая на крыше его защищала. Дело доходило до того, что на нашей улице разворачивались целые сражения: школа на школу – первач на пятнадцатую. Нас разгоняла милиция... А летом «противники» вместе играли в лапту, гоняли тряпичный мячик.

А посмотрели бы сегодняшние школьники на нас, тогдашних учеников. На уроки ходили кто в чем, на плечах сумки из-под противогазов, полевые сумки, кожаные планшеты (это у тех, у кого отцы были офицерами).

У меня до сих пор стоят перед глазами эти женщины – Веры, Марии, Дуси, Кати, Шуры, которые на своих плечах держали тыл. Громко сказано? Ничуть! Их мужья погибли на фронте (позднее я об этом узнал), матери в одиночку поднимали нас, стояли у станков, кормили «жуков» (так называли учащихся железнодорожного училища – ЖУ). Моя мать работала там в столовой какое-то время, поэтому мне запомнился крапивный суп. Сейчас из этих людей никого нет в живых. Но живы их дети, внуки. И они должны гордиться своими матерями, бабушками...

В нашем доме жили не только такие, как мы, незаметные люди. Жили и знаменитости. Верхняя квартира слева была, как бы сейчас сказали, престижная (хотя туалет был общий, на улице), жил там одно время кто-то из начальства. А вот одну знаменитость помню – Глеб Каменских. Он был паровозником-тяжеловесом.

В первые послевоенные годы среди машинистов паровозов было движение – водить составы повышенной в полтора-два раза тяжести. Это движение охватило весь Урал. И в Верещагино были свои инициаторы – братья Каменские. Братьев было пять, все машинисты, и все тяжеловесники. Один из них жил в нашем доме. Но мы, пацаны, тогда не знали и не думали о их трудовых подвигах. Мы знали их как прекрасных футболистов, бегали на стадион, чтобы посмотреть, как они забивают голы. Играли кто босиком, кто в сандалиях. Интерес к футболу был огромный.

Этажом ниже жили Соснины. Виталий был старше меня, а запомнился он тем, что играл на гармошке, он выходил во двор, садился на завалинку и что-то наигрывал. Несколько лет спустя он стал летчиком.

В разное время в этом доме жили разные семьи. Лет пять назад я снова побывал в этом доме. Из знакомых видел только тетю Дусю. Когда-то она была эвакуирована из блокадного Ленинграда. Долго скиталась по стране и наконец остановилась в Верещагино. Добрейшей души человек. Когда моей маме уже трудно было ходить за водой, тетя Дуся помогала ей. Видел и тетю Шуру Карелину, но она была уже очень плоха. Живы ли они сейчас?..

Я уже никогда не смогу приехать в родной город. Живу на Алтае – далеко, да и здоровье не то. Многих моих товарищей уже нет в живых. Ювеналий Ознобишин умер от болезни, и Леонид Выголов тоже. Многие в те далекие годы уехали из города. Как говорится, «иных уж нет, а те далече.»

Но если бы я приехал, то было бы с кем встретиться. Знаю, что живет в городе Клара Чечкина (сейчас Шаронова), бывшая моя соученица, круглая отличница. Галя Шистерова, подруга моей сестры Нели. Живет в городе и мой друг Ефим Сабуров. Мы с ним переписываемся. Часто спрашиваю его, жив ли еще наш дом? До недавнего времени писал, что жив. Ну, что ж – раз жив, значит, нужен. Скольких людей он приютил – не сосчитать. Спасибо ему за это...

Обо всем этом вспомнил и написал в преддверии большого праздника – 55-летия Великой Победы. Все мы соберемся за праздничным столом. Вспомним тех, кто не пришел с фронта, поднимем тост за тех, кто болен и немощен. И обязательно надо вспомнить и низко поклониться тем женщинам, которые в годы войны не пали духом, а жили и помогали фронту по мере сил. В конце концов, сберегли нас. Надо вспомнить их, Они этого, право же, заслужили...

*Анатолий ПАНТЮКОВ, журналист.
Алтайский край.*

СЕМЬ КРУГЛЫХ СИРОТ

Жирная Федосья Семёновна

Мои родители, Шатров Семён Максимович, 1905 г.р. и Елизавета Фотеевна 1909 г.р, жили в деревне Носята Кривчановского сельского совета. Занимались домашним хозяйством, которое было более-менее зажиточным. Началась коллективизация. Работали родители с утра до ночи. Но в 1934 году моих родителей раскулачили: всё выгребли, до последнего зёрнышка. В это время у них уже было двое детей: Феня с 1927 года и Павел с 1928 года. Сестра рассказывала, что когда пришли за коровой, то она закрыла их в конюшне на засов. Но, увы! Корову увели.

Папа работал в колхозе бригадиром полеводческой бригады. К началу войны в семье уже было шестеро детей: Феня, Павел, Софрон, Анна, Дмитрий, Федосья. Я родилась в ноябре 1941 года, когда папа уже был на фронте. Он меня никогда не видел.

Мы росли во время войны и испытали все тяготы военных и послевоенных лет. Нас семеро, мама одна. По состоянию

здоровья она работала сторожем на ферме. Мне запомнилось, что она ходила на работу с братом Софроном. Старшая сестра Феня с четырнадцати лет стала работать свинаркой. Платили за работу 300-500 граммов на трудодень овсяной мукой. К этой муке добавляли травы, кору и пекли хлеб. Сажали картошку. Но её хватало до Рождества. Корова в запуске была по четыре месяца, да и молока давала мало из-за плохих кормов. Помню, мама доит корову, а мы ждем с жестяными баночками прямо у конюшни. Она разольёт нам всё молоко сразу. Я до сих пор вспоминаю с

содроганием эти холодные и голодные зимы. Спали мы на голых полатях, вместо одеяла был половик. Чтобы было теплее, мы четвером прижимались друг к другу. А утром от холода спасались в русской печке, закрывшись заслонкой. Ждали, пока мама с Софроном придут с работы и затопят буржуйку. Старшая Феня спала не с нами, а у тётки, рядом с нашим домом. Она очень уставала на свинарнике и у тёти могла отдохнуть, выспаться на настоящей постели, в тепле. Как мы ей завидовали! Весной и летом мы оживали. Собирали траву, ягоды, грибы, помогали сестре пасти свиней.

В апреле 1944 года мы получили извещение, что Шатров Семён Максимович пропал без вести шестого марта 1944 года. Мама сильно плакала, обняв нас всех, причитала, как мы будем выживать. Одежды не было, зимой вообще не выходили из дома, а весной выходили и просили милостыню. Кто-то жалел нас, а кто-то презирал. Некоторые люди маме говорили, чтобы она нас заморила, тогда сама выживет. Этот разговор слышал Софрон. Он так обиделся, что до смерти вспоминал этот эпизод. Весной мы выходили на солнышко, пошатываясь, по проталинкам босые прибегали на ферму, где доярки нас украдкой поили молоком.

Время шло. Павел поступил в ФЗО. Софрон в 1945 году работал прицепщиком у трактористов в деревне Гады, нынче Шатрово. Жили они на квартире у Семёна Семёновича, вернувшегося с войны с одной ногой. На Софрона он шипел, называл щенком, голытьбой. Но трактористы заступились за брата, рассказали, что у него отца убили на фронте. Семён Семёнович сразу изменил своё отношение к Софрому и рассказал, что он с первых дней войны воевал вместе с нашим отцом до марта 1944 года на одной пешеходной пушке, на передовой. В тот день Семёна Семёновича ранило. Наши войска очень быстро наступали, «Катюши» били. Всё смешалось. Река Буда была красной от крови. Вот тут и наш отец остался навсегда в этом месиве. Так мы узнали, где погиб наш дорогой папа.

В 1947 году мы все четверо пошли в школу. Были голы и босы. Мама из холста сшила нам платья, покрасила их в чернильный цвет, а на ногах лапти, и те рваные. Новые купить было не на что. Но мы учились. На этом наши беды не закончились. Осенью 1948

года слегла наша мама, четвертого апреля 1949 года её не стало. За нами стала ухаживать тётя Евдокия Михайловна. Пенсию по потере кормильца получали семьдесят рублей, не разживешься. Старшая сестра Феня решила нас отдать в детский дом по совету родственников. Она на лошади возила нас на комиссию в Верещагино. Дмитрия и Стешу взяли в детский дом, а у меня были плохие анализы, поэтому не приняли. Павел ушел в армию, Софрон выучился на тракториста и работал. Анна жила у тетки в Новоильинске Нытвенского района. Мы остались втроём. Феня очень плакала, жалела, а что было делать, нищета, ей не поднять нас было. Через два года умерла и наша тётя. Софрона призвали в армию. В шестой класс я ходила за шесть километров, в Сепыч, в лаптях и телогрейке. Павлик вернулся из армии, сразу женился и ушёл от нас. Через два года вернулся из армии Софрон. Он купил мне валенки, лыжный костюм, а Феня – пальто. Я почувствовала, что тоже не хуже других одета. Закончила семь классов Сепычевской школы и пошла работать телятницей, потом дояркой. Через год я уехала к сестре Анне. Там я устроилась на домостроительный комбинат и стала учиться в восьмой класс школы рабочей молодёжи.

И в заключение хочется сказать, что мы все семеро выросли, у всех семьи, дети, внуки. Братья уже ушли в мир иной, а мы, сёстры, слава богу, пока все живы. Все мы трудились, никто из нас не сбился с пути.

ВСЮ ЖИЗНЬ ПОМНИМ И ЖДЁМ ОТЦА

Васса Павловна Ильиных

Наш отец Соловьев Павел Иванович родился в 1902 году в деревне Паклино Кривчановского сельского совета, в большой деревенской семье. У бабушки Евдокии и дедушки Ивана было двадцать два ребенка, но, к сожалению, выжили шестеро самых

сильных. Бабушка с дедом жили небогато: держали лошадь, корову, была земля, которую обрабатывали своими силами, сеяли хлеб, лен. Лён пряли, ткали полотно, из которого шили одежду. Топтали холст, сотканный с шерстью. Из этого материала шили скуты (портянки). Вся семья дружно работала в поле и дома. Когда папе исполнилось восемнадцать лет, его взяли в армию, и он гнал Врангеля из Крыма, пробыл он там два года и благополучно вернулся домой.

Вернувшись домой, стал подглядывать невесту, выбор пал на Вяткину Матрену Антипьевну, жившую в деревне Ерши это же совета. Бабушка, дочь и папа вечером на лошади поехали свататься в эту деревню. Бабушка с дочерью зашли в дом, а папа остался на улице с лошадью.

Долго ли коротко ли сватались, но дочь позвала маму на улицу. Накрывшись слегка одежками, они вышли на улицу, а там папа взял маму в охапку, и они втроем уехали в деревню Паклино. Так началась семейная жизнь.

Первый сын родился в 1924 году. Рождение детей не планировали, отец всегда говорил: «Будет роток, будет и кусок». С каждым годом семья прибывала, жить вместе было тесно, и стали думать о своем доме. Навозили на лошадях лес более чем за двадцать километров и очень быстро, помочами, построили свой дом в 1929 году. В этом же году началась коллективизация, и родители вступили в колхоз, отдали

всю землю, лошадь и всю упряжь. Отец стал работать зимой в кузнице, летом на комбайне, а помимо колхозной работы он катал валенки, выделывал шкуры, шил коты, в общем, из его рук не валялось ничего. К началу войны нас уже было шесть человек. На фронт папу взяли шестого июля 1941 года. Пришла повестка, привез нарочный вечером, чтобы уже в 9 часов утра быть в военкомате, в Верещагино. Семья не спала всю ночь. Утром мама проводила папу, мы все очень плакали, так как были малы. Еще мама была в положении. С войны приходили открытки, написанные химическим карандашом. Последняя открытка пришла четвертого октября 1941 года, и больше не было никаких известий, началась долгожданная жизнь в надежде на какие-то известия. Но в другую деревню Шипичага пришел раненый солдат Чуркаев Евтифей, и он рассказал, что были они под Ельней, в Смоленской области, где шли ожесточенные бои. Сидели они в окопе, прилетела мина, и у солдата Соловьева Власа Кирилловича сразу снесло голову. Евтифей был ранен, а Павел Иванович вылез из окопа и пополз по полю. Он ему кричал: «Пашка, не ползай, поле заминировано», - но папа не слышал. В 1942 году пришла похоронка - без вести пропал.

В 1942 году, в августе, призвали на фронт и восемнадцатилетнего Соловьева Федора Павловича, нашего брата. У мамы и у всех нас опять горе. Но Федор служил на границе с Японией, на Дальнем Востоке, до 1949 года и вернулся, жив и здоров. Живет в городе Перми, он теперь для нас, сестер, как отец и большой советчик во всем. Вот уже более тридцати лет назад он сделал памятник на нашем кладбище, куда вписаны воины, ушедшие из нашей деревни Паклино: Соловьев Павел Иванович, Соловьев Влас Кириллович, Соловьев Иван Евграфович. Родственники за это благодарны. Жить без сына, мужа и папы было очень трудно всем. Все мы ждали его возвращения. Бабушка ждала сына до 1955 года. Мама ждала мужа до 1991 года. Мы, дети, Соловьев Федор Павлович (86 лет), Серова Екатерина Павловна (75л), Ильиных Васса Павловна (73г), Захарова Евдокия Павловна (70л) вспоминаем папу и думаем все время о нём.

ГОДЫ ВОЙНЫ ВСЕГДА ЖИВЫ В МОЕЙ ПАМЯТИ

Колчанова Фаина Ивановна

Когда началась война, я вместе с папой и мамой жила на станции Балезино Удмуртской республики. Сюда мы переехали перед войной. Отец Пасынков Иван Николаевич работал весовщиком на станции. Мама Пасынкова Мария Дмитриевна тоже работала на железной дороге.

Я закончила три класса, когда началась война. Уже летом, а потом и осенью на станцию стали поступать эвакуированные, а потом и раненые. Из магазинов постепенно исчезли продукты, всё стало очень дорого. Помню, как бегали в магазин за леденцами, а там стояли сахарные конусы, обёрнутые в синюю бумагу. Перед войной жизнь стала налаживаться, помню большие предвоенные базары. Потом ввели карточную систему на все продукты: 500 граммов хлеба на работающего, 300 граммов на иждивенца.

В марте 1942 года моего папу призвали на фронт. Вскоре он погиб. Но мы так и не знаем, где его могила. До сих пор мы храним его письма. Вот одно из них, от 14 июня 1942 года. «Я тронулся на фронт, не знаю, какое моё счастье, жив буду или убит, или ранен. Я рад отдать любую ногу, руку, но лишь бы вернуться домой живым... ..Маруся, Фая, живите хорошо, берегите хозяйство, особенно мой наряд, инструменты, пилу поперечную. Запасайте дрова на зиму. Так хочется картошки».

Жили мы бедно. Мама стала работать путеобходчицей. Ей было всего тридцать три года. Трудилась без отдыха, день и ночь. Я старалась ей во всем помогать. Мы жили в доме типа общежития, но в отдельной комнате. Сами заготавливали дрова. Я собирала щепки,

Пасынков
Иван Николаевич

Колчанова
Фаина Ивановна

Пасынкова
Маримьяна Дмитриевна

чтобы разжечь «таганок», на котором готовили пищу. Тогда не было у нас ни электроплиток, ни газа. Мы об этом даже и не слышали. Когда становилось совсем трудно, мы с мамой ходили по деревням, где обменивали свои вещи на продукты: картошку, молоко и т.д. Летом собирали лекарственные травы, колоски на полях. Помогали взрослым во всём. Летом я ездила в деревню, к бабушке. Там вместе со взрослыми работала на уборке зерновых, на току.

Когда появились госпитали, то мы, учащиеся, ухаживали за ранеными, писали от их имени письма домой, давали концерты. В свободное время я бежала в столовую для военнослужащих, где помогала чистить картошку. За это меня кормили супом, сваренным из воды и пшеницы.

В школе нам давали небольшой кусочек хлеба, посыпанный сахарным песком. На уроках мы только и думали о том, чтобы заполучить это лакомство побыстрее.

Я училась в железнодорожной школе. Классы были большие, сорок и более человек, т.к. вместе с нами учились дети из эвакуированных семей. Я училась хорошо. Помню, закончила пятый класс с одной четверкой по математике, остальные «пятерки». Очень любила литературу и русский язык. По этим предметам у меня была любимая учительница Наталья Иосифовна. Семь классов я закончила в 1945 году. Многие эвакуированные дети вернулись в свои города, в десятом классе нас осталось только тринадцать человек.

Скоро уже 70-летие победы, а горе войны всегда живо в моей памяти. Помню, что спички были тонкой деревянной лентой, которую ломали на мелкие палочки. Мыло было жидкое, чёрное, для мытья головы мы использовали щелок, настой кипятка на древесной золе. В банях работали санпропускники. Пока мылись, одежда жаривалась, чтобы не было никаких насекомых.

Также помню, как я участвовала в художественной самодеятельности. Я хорошо пела и даже была запевалой в хоре. Репетиции проходили вечерами, и меня встречали и провожали

старшие участники хора, иначе мама меня не отпускала. С песней «Вечер на рейде» и другими мы ездили в Ижевск на смотр художественной самодеятельности, это было зимой 1943 года.

Запомнился и пионерский лагерь летом 1943 года. Зажигались огромнейшие, «до неба» костры, у которых мы пели песни, в основном они были военные. Всегда слушали радио, особенно последние известия, радовались, когда освобождались наши города и села. Однажды я была дома одна, мама работала. И вдруг по радио передали: «Наши войска освободили город Одессу». Я плакала от радости, прыгала и громко пела песню «Эх, Одесса, жемчужина у моря, эх, Одесса, ты знала много горя».

Помню, в конце войны, наверное, в 1944 году, приходит мама, такая радостная, приносит узелок из головного платка, развязала его, а там пряники глянцевого, мягкие, правда тёмные. Радости моей не было границ. Это было лакомство, подберешь каждую крошечку от пряника, чтобы ничего не упало.

Через нашу станцию шло много поездов. Мы с девчонками ходили на вокзал с горячей картошкой, чтобы её продать, а на вырученные деньги купить хлеба. На рынке чёрный хлеб стоил 800-900 рублей батон. Хлеб и картофель были основным питанием. Дрова заготавливали из шпал, которые выписывали маме на работе. Очень тяжело было их пилить и колоть.

Помню, как ловили самого настоящего шпиона. Это был «глухонемой», который появился летом 1942 года. Мы следили за ним, знала о нём и милиция. Оказалось, что он передавал сведения о продвижении через нашу станцию военных эшелонов.

Не было одежды, обуви. Мама ходила в лаптях, к зиме старались приобрести валенки. Было время, когда раздавали из американских посылок вещи. Маме дали какое-то поношенное тёмно-вишневое платье. Я помню его даже сейчас. У нас были башмаки на деревянной подошве, которые сильно стучали. Ещё помню ботинки с калошами, которые носили весной и осенью.

Жили все плохо, но относились друг к другу с сочувствием, пониманием, разделяли горе тех, к кому приходили «похоронки».

ЖИЗНЬ КАК БУДТО ИСПЫТЫВАЛА МЕНЯ НА ПРОЧНОСТЬ

Красносельских Николай

Степанович

Я родился в 1938 году. Мой отец Красносельских Степан Михайлович 1907 г.р. был призван на фронт в 1941 году. В 1942 году мама Красносельских Ульяна Матвеевна получила две похоронки, но не верила им. В 1945 году она подала в розыск.

Ей пришел ответ, что отец пропал без вести. Вернувшийся с войны сосед рассказывал, что он ехал в одном эшелоне с папой. Их поезд разбила немецкая авиация, и папу он больше не видел. До войны отец работал в колхозе трактористом, а также был хорошим плотником и столяром. Вместе с мамой они построили в деревне дом, конюшню. Зимой его отправляли на лесозаготовки, а весной на сплав. Мы жили в деревне Курень Сергеевского сельсовета, Верещагинского района. Мама осталась с тремя детьми: старший брат Семен, сестра Сима и я трех лет.

Я инвалид с детства. Говорили, что я часто падал с печи и палатей, по двое суток лежал без сознания. В больницу меня не отправляли, т.к. она находилась в Сепыче, в двадцати километрах от нашей деревни. Помню, что в избе было всегда холодно. Лошадей не давали, чтобы привезти из лесу дрова. Приходилось сидеть в русской печи, но и она быстро остывала. Дрова экономили для маленькой железной печки. Её топили, когда мама и брат приходили с работы домой. На ней же варили овощи и ели. Еды было мало, мы жили впроголодь. За мной смотреть было некому. Мама и брат с утра до позднего вечера были на работе: сеяли, пахали, убирали зерно, сортировали, сушили, ссыпали в мешки и на лошадях увозили на хлебоприёмный пункт, в Бородулино, а это пятьдесят километров от нашей деревни. Весь хлеб сдавали государству, а на трудодни колхозникам не оставалось ничего. Сестра варила кашу из ржи и пшеницы, которые приносили по горстке в карманах. Она также ходила по соседним деревням и просила милостыню. Так мы и выживали.

До семи лет я постоянно болел. Много детей в деревне умирало от болезней и голода. Я как-то выжил. Иногда меня мама уносила на конный двор, в избушку. Там было тепло, т.к. постоянно топили печь, чтоб сушить сбрую и кипятить воду. Конюх Евдокия Артемьевна варила мне кашу из муки, которой кормили лошадей.

Восьми лет я пошел в школу. Учился неважно, т.к. из-за болезней была плохая память. Одежды не было, ходил в лыковых лаптях, которых хватало только на неделю.

Потом мы переехали в деревню Проницы, к бабушке. У нас были корова и коза. Я помогал за ними ухаживать. А также мы с бабушкой ходили в лес за грибами и ягодами. На обратном пути мы рвали траву и малинник для козы.

Пришла победа. Колхозникам начали давать зерно на трудодни, жить стало полегче. Мама и брат Семен получили правительственные медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». После окончания шести классов я немного работал в колхозе, а потом уехал в Верещагино, к брату, нянчиться с племянником. Здесь тоже продолжал болеть. Меня лечили в больнице и вывели на инвалидность, вторую группу, с которой нельзя было работать. Я попросился, чтоб меня перевели на третью группу, с ней было разрешено трудиться.

Сначала поступил в артель инвалидов сапожником, потом работал в котельной кочегаром. В последнее время трудился на водоканале машинистом насосной станции до 2002 года. Мой стаж работы – сорок лет и шесть месяцев.

Несмотря на все невзгоды, я не считаю себя несчастным человеком. У меня была хорошая, дружная семья, хотя и ее не обошли беды. Мы с женой Розой Пахомовной воспитали трех сыновей: Андрея, Сергея и Виктора. Жили в собственном доме, который попал под снос. У сыновей были уже свои семьи, и мы все получили благоустроенные квартиры. Но жизнь как будто испытывала меня на прочность. При тушении пожара погиб наш младший сын Виктор. Нет страшнее горя хоронить родных детей. А в 2007 году умерла моя любимая жена. До сих пор переживаю эту утрату. Но жизнь продолжается. Не оставляют меня без внимания сыновья и внуки.

ЖИТЬ БЫЛО ТРУДНО

Кудымова Анна Андреевна

Кудымова Анна Андреевна

Наша семья жила в деревне Чёрной Юрлинского района. Отец Сятчикин Андрей Клейментович был председателем сельсовета, а мама работала в колхозе. Нас, детей, в семье было четверо. Старшая сестра с 1931 г.р., я – с 1936, брат с 1938 года, а младшая сестра Галина родилась уже после ухода отца на фронт. Папу призвали 29 декабря 1941 года, а в сентябре 1942 года мы уже получили

на него извещение, что он убит 13 августа 1942 года, похоронен в овраге, у роши, около деревни Озерки Большеполянского района, Курской области.

Жить было очень трудно. Годы были голодными и холодными. Летом питались ягодами и грибами. Хлеба не было. Собирали клевер, картофельную ботву, сушили и мололи, смешивали с мукой и пекли лепёшки.

Осенью собирали гнилую картошку. Маме было очень тяжело нас растить. Она ездила часто в командировку за солью на лошади. Это было очень далеко, город Усолье, за Березниками. Маленькой сестре Гале был всего годик, она часто болела, и маме, наконец, отменили командировки. Когда я закончила три класса, меня отдали на воспитание в семью дяди, маминого брата, так как у них не было детей. Ко мне относились плохо. Хозяйство у них было большое. Меня заставляли кормить и поить домашний скот, угонять на пастбище. Воду приходилось носить издалека, а ведра большие. Одежду и обувь мне не покупали, донашивала все старое. Там я прожила четыре года. После окончания семи классов ушла от них. С трудом добралась я до своего дома. Вскоре уехала работать на лесоучасток, в

поселок Чугайны. Сначала работала рассыльной, затем выучилась на счетовода. Жить было трудно. Хлеб давали только по карточкам. В 1956 году я вышла замуж за Бориса Ивановича Кудымова. Прожили мы с ним на лесоучастке десять лет, родили троих детей, затем переехали в Березники. Там жили недолго, вскоре уехали в Зюкайку. Я почти сорок лет отработала на ремзаводе бухгалтером. Детей растить было нелегко, но всех поставили на ноги. У них свои семьи, а у меня внуки.

Мне дважды посчастливилось съездить на братскую могилу в деревню Озерки, где похоронен отец. Первый раз мы ездили туда с мамой, а второй раз с теткой, участницей войны. Встречали нас там тепло. Рассказали, что здесь шли кровопролитные бои. Битва за Озерки длилась более двух часов, было много раненых и погибших. Спасибо людям, которые нас там приютили. Ездили мы, конечно, за свой счёт. Память об отце всегда со мной. Война досталась всем. Наши отцы погибли, но не дали фашистам захватить нашу Родину. День Победы для нас, сирот войны, всегда большой, грустный праздник со слезами на глазах. Вечная память погибшим и умершим от ран, отстоявшим нашу Русскую Землю!

ПОЧЕРК БЫЛ НЕ ПАПИН

**Кулешова Вера
Михайловна**

Я дочь Кетова Михаила Александровича. Мне уже 75 лет, но я помню, как мы жили до войны. Мама 1910 года рождения работала медсестрой в детской поликлинике. Папа трудился на

Семья Кетовых

кондитерской фабрике. Они сами построили дом из самана. Это такие кирпичи, которые делают из глины с соломой. Папа не пил и не курил. До войны жили неплохо. Был огород. Папа выращивал очень вкусные помидоры. В 1941 году его призвали на фронт.

Перед его уходом мы сфотографировались. Помню, как мы стояли из изгородью из металлической сетки.

Папа целовал наши пальчики, которые мы могли просунуть через сетку. Все мужчины были в гражданской одежде. Потом их всех куда-то увели. И больше мы отца не видели. Мне было четыре годика, сестре - шесть. В военной форме не пришлось его увидеть.

В ноябре пришло первое письмо-треугольник. Мама обрадовалась, но потом с тревогой сказала: «Это ведь почерк не папин». Когда прочла, то сильно заплакала и сказала: «Нашего папу убили фашисты». Я не понимала, что его больше мы не увидим. Письмо написал папин командир Никитин. Жили мы очень бедно. Нам дали карточки для продуктов, а моя сестра их потеряла. Помню, как мама нас кормила какой-то мамалыгой. Жили мы в городе Фрунзе. Наша Киргизия называлась солнечной, потому что лето было долгим и жарким, зима теплая и короткая. А во время войны почему-то зимы были очень морозными, до -40, а топить нечем. Я забиралась на подоконник, куда светило солнце, чтобы было теплее, и учила уроки. В нашем городе был военный завод, который для фронта выпускал какое-то оружие. Часто были тревоги, гудели сирены. Если это было ночью, мама завешивала окна, чтобы не было видно света. У нас во всех домах были керосиновые лампы. Киргизия была многонациональная. В нашем городе проживали русские, татары,

узбеки, украинцы, евреи, чеченцы и др. Все жили дружно.

Когда закончилась война, был салют. На улицах все обнимались, пели и танцевали. А мама плакала из-за того, что нашего папы больше нет. Салюта я боялась и пряталась под кроватью.

В школу я пошла с шести лет. У меня и у сестры не было платьев, носили шаровары и кофты. И только в пятом или шестом классах мама купила материал, из которого шили мешки, покрасила в коричневый цвет и сшила нам платья.

В 1947 году у нас в Киргизии были землетрясения и наводнения. Наш дом развалился. Остались только сенцы. Нам никогда никто не помогал. Мама взяла ссуду и наняла людей, чтобы построили нам небольшой домик. Пока она была на работе, эти люди сложили стены без фундамента, но перестраивать никто не хотел. А деньги мама им уже отдала. Остальное достраивала почти сама. Она сложила печку, даже с лежанкой. Крышу заливала жидким гудроном. Мы с ней ходили куда-то, где разрешали набирать этот гудрон. Это все я очень хорошо помню. Мама замуж больше не вышла. Теперь, вспоминая все, удивляюсь, как она это выдержала. Я поступила в медучилище, после его окончания работала в клинике лаборантом. Сестра работала в проектно-институте чертежницей.

Вышли обе удачно замуж. Мой муж был военным, пришлось уехать, но недалеко, и я часто приезжала с мужем и дочкой к маме. Ей бы жить и радоваться. Но она тяжело заболела и в 1981 году умерла. А в 1993 году умер мой муж. И только в 1993 году нам подарили книгу «Память», том I, где вписан наш отец. Погиб он 11 ноября 1941 года, похоронен в селе Богданово Волоколамского района, Московской области.

В 2003 году в Кыргызстане было беспокойно. И все же русские стали уезжать. Сестра с семьей уехали в Подмоскovie. А моя дочь с 1990 года жила в Верещагино с мужем и двумя дочками. Она закончила институт легкой промышленности и была направлена работать на трикотажную фабрику. Я решила продать в Киргизии квартиру, переехала в Верещагино, где живу уже почти десять лет.

Кулябина
Надежда Васильевна

В 1942 ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ

Кулябина Надежда Васильевна

Я родилась в деревне Заричи Верещагинского района. Мой отец Тиунов Василий Егорович 1913 г.р. работал в колхозе трактористом. Мама Тиунова Федосия Данилова была конюхом. В 1941 году папу призвали на фронт. А в 1942 г. он пропал без вести. Пришла похоронка, но мы ее не сохранили. Мама осталась одна с четырьмя детьми: Николай, Паня, Таня и я, Надя. Жили очень бедно. Дом у нас был старый, холодный, дров не хватало его отапливать. В основном мы жили в избушке - «конюховке», т.к. мама кормила лошадей.

Там постоянно топили печку, чтобы сушить сбрую, кипятить воду. Было тепло, и мы спасались здесь от холода. Помню, что всегда хотелось кушать. Еды не было, на трудодни ничего в колхозе не давали, всё отправляли на фронт. Мы ходили в Верещагино собирать милостыню. Одежды тоже не было. Кто что подаст, то и носили. Потом мама стала работать на свинарнике. Мы помогали ей кормить поросят. Позднее мама работала птичницей, пастухом, мы ей тоже помогали. Старшего брата Николая отправляли на лесозаготовки и на сплав. Старшая сестра заболела и умерла. Мы с сестрой Таней ходили в школу за четыре километра от нашей деревни. Было очень холодно, мы постоянно мерзли. Когда закончили четыре класса, то ушли в Верещагино. Здесь мы пошли работать няньками к хозяевам. Днем сидели с детьми, а вечером учились в вечерней школе, где и закончили семь классов. А наша мама работала в колхозе до пенсии. Стала получать двенадцать рублей. Когда все колхозы стали совхозами, то мама отработала еще полгода. И пенсию немного повысили, сначала получала сорок пять рублей, потом шестьдесят. Мама прожила 78 лет. Когда деревни не стало, мы с мужем перевезли ее к себе.

Я с трудом получила паспорт. Справку из колхоза не давали. Помогли хозяева, у которых я нянчила ребенка. Получила краткосрочный паспорт на полгода. Дружила с мальчиком, решили

пожениться, но в городе нас не расписывали без документов. Пришлось регистрироваться в деревне Комары. После этого я получила настоящий паспорт. С ним уже можно было устроиться на работу. Сначала работала на кирпичном заводе, в промкомбинате, потом перевели в пуговичный цех. Шесть лет я проработала здесь. В 1960 году родился сын, а в 1967 г. – дочь. Я перешла на трикотажную фабрику, где трудилась тридцать лет. Мой муж Кулябин Александр Иванович умер в 2003 году. С ним мы прожили сорок четыре года. Дети не оставляют меня без внимания. Есть у меня внуки и маленький правнук. Считаю, что моя жизнь состоялась. Я думаю, что если бы папа был жив, то мы не испытали бы таких трудностей. Как нам его не хватало! Я буду своих родителей помнить до конца своих дней.

ТРИ ВЫСТРЕЛА В ВОЗДУХ

Мальцев Савелий Ефремович

Я родился на хуторе «Абрамов угор» Соколовского с/с. Перед войной нас выселили и мы переехали жить в деревню Савенки. Я уже это помню. Мой отец Мальцев Ефрем Харитонович работал бригадиром в полеводческой бригаде деревни Стаката Соколовского сельского совета. Он еще не успел устроиться, только поставили избу, но не успели закрыть крышу, построить конюшню, как началась война. Получил отец повестку и сразу поехал в военкомат. Его повезли на лошади до станции Бородулино Верещагинского района.

Меня он нес на руках два километра, а потом меня увели домой. Дома остались мама, старшая сестра Мария и я, еще младшая сестра Дина, её нет в живых. Мать осталась в положении. Родила двойню, к сожалению, они умерли через год. Приходили письма от отца, но я не помню, сколько. А осенью уже пришла похоронка «Без вести

пропавший». Жили мы плохо, я ходил собирать милостину, нянчил детей у соседей за кринку простокваши. Сестра кормила овец, мать работала в бригаде. В школу я не ходил, нечего было одеть. На двенадцатом году я покрыл конюшню и дверь доделал, что не успел отец.

Одевались плохо, на ногах носили лапти, шахтерские калоши, коты. Ели суррогатные лепешки из всяких трав и листьев, немного для склеивания добавляли муки.

В четырнадцать лет меня отправили сплавать лес по реке (название речки не помню). Шли по берегу Чусовой полтора месяца. Нас ели вши, в деревнях в баню не пускали. На следующую зиму отправили на лесозаготовки. Потом работал прицепщиком, на смену надо было приходиться в шесть часов утра (это из Савенок в Алешино пять километров). Бригадир Яков Фомич был строгий, нельзя было опаздывать. Ходили пешком. Косил на конской косилке траву, ухаживал за лошадьми.. Их было много, так как все работы выполнялись на лошадях и вручную.

В 1945 году ушел в Армию, служил в Морфлоте, в сухопутных войсках, в городе Северо-Ильинск около Белого моря. Служил три года и три месяца.

Осенью 1992 года к нам зашел председатель Соколовского совета Климов Е.Ф. и сказал: «У вас нашелся отец. Пришел запрос из города Андреаполя Тверской области, от отряда «Вечность», руководитель его Ленкевич Валерий Викторович». В ноябре 1992 года мы ездили на перезахоронение. Там нам отдали медальон, по которому обнаружили, что действительно это Мальцев Е.Х. Хоронили останки шестидесяти солдат в трех гробах. Была проведена панихида в клубе. До воинского кладбища гробы несли на руках под похоронную музыку. Там были произведены залпы: группа солдат из семи человек сделала по три выстрела в воздух.

ДЕТЯМ ПРИХОДИЛОСЬ ТОЖЕ ТРУДИТЬСЯ

Мамонтов Николай Игнатьевич

Очень трудное время пришлось пережить поколению людей, связанных с периодом Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Об этом очень трудно вспоминать. Каждый по-своему прожил это время.

Родился я 17 декабря 1934 года в деревне Егорово, около села Сепыч. Наш дом стоял на берегу пруда. Отец Мамонтов Игнатий Степанович работал в колхозе кузнецом, мать была домохозяйкой. Кроме меня в

Семья Мамонтовых

семье был старший брат Михаил 1929 года рождения, а в 1939 году родился Александр. В то время у нас не было даже электричества, жили с керосиновыми лампами, не было магазина в деревне. Приходилось выращивать овощи в огороде, хлеб пекли сами в русской печке.

В декабре 1940 года мы вместе с дедом переехали в Верещагино, где купили дом. Только начали привыкать к жизни в городе, как началась война. Все очень переживали. Стало трудно жить, появились карточки на хлеб и другие продукты питания.

Осенью 1941 года отца призвали в армию. Три месяца он проходил военную подготовку в Перми, а потом их отправили на фронт. Эшелон с военными остановился на станции, и отец успел прибежать домой и проститься с нами.

После этой встречи мы отца больше не видели. Весной 1942 года пришло извещение о том, что папа пропал без вести. Только после войны стало известно, что он умер в госпитале от ран. Так мы стали сиротами: старшему было тринадцать лет, мне семь, а младшему только три года.

Пришлось маме, полуграмотной и не имеющей специальности, идти работать. Устроилась она на промкомбинат (завод

пластмассовых изделий). Ох, и тяжело ей пришлось! Поставили ее на пилораму, где она вместе с другими подтаскивала бревна, а потом убирала доски. Все мужчины были в армии, вот женщинам и приходилось брать такую непосильную работу на себя в летнюю жару и в зимний холод. За такой тяжелый и неквалифицированный труд зарплата была совсем небольшой. Вот детям и приходилось тоже трудиться в силу своих возможностей. Весной ходили по полям и рыли картошку, которая оставалась после осенней уборки, собирали пистики, варили пиканы, крапиву, а летом ходили за многие километры за ягодами, грибами. Сажали в огороде картошку, овощи, пилили и ломали дрова, ухаживали за козой и курами.

Учился я в школе № 1 с 1942 года, класс был большой, более сорока человек. Проучился я в школе до 1949 года и поступил в Очёрское педучилище, жил в общежитии. Помогать мне было некому, поэтому продукты приходилось возить из дома, жил на стипендию. После окончания педучилища поступил в Пермский пединститут на отделение физического воспитания. Также пришлось четыре года жить на стипендию. Шесть лет проработал в Кудымкаре учителем физкультуры. В 1958 году женился на Любе, которая работала вместе со мной. У нас родились два сына: Александр в 1959 году и Сергей в 1962 году. Сейчас оба работают.

В 1963 году мы переехали в Верещагино. Сначала я работал в школе №121, а потом перешел в санаторную школу-интернат, где и закончил работать в 2011 году. Таким образом, я учителем физкультуры проработал 54 года.

Вот так закончилась моя трудовая деятельность. Пусть теперь трудятся мои сыновья, внуки, внучки и правнуки. Для этого надо, чтоб не было войны.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТА НЕ ЗРЯ

Маргынюк Валентина Петровна

Я появилась на свет 25 апреля 1942 года в г.Верещагино Молотовской области.

Мой отец Худорожков Петр Николаевич родился в 1911 году, седьмого октября в Верещагино. В 1933 году он закончил Свердловский строительный техникум «Уралжелдорстрой» им. И.Д.Кабакова.

После его окончания был направлен на работу в город Владивосток.

До отъезда он женился на моей матери Ермаковой Анисье Федотовне, и они уже молодой семьей отправились на Дальний восток.

Жили они в бухте Дунай, в военном городке, отец занимался сооружением военных объектов. Там родились два моих брата, Владимир и Юрий. (Что интересно, в армии Юрий служил там же, т.е. на своей родине).

В начале 1941 года они вернулись на постоянное жительство в Верещагино. В марте 1941 года старший брат Владимир умер.

В июне 1941 года началась война. Отец и два его брата Павел и Борис были призваны на войну. Также ушел на войну брат мамы Виталий Ермаков.

Я родилась в апреле 1942 года, и как раз отец ехал мимо на Урал, в учебную школу, за новобранцами. А мама в это время родила меня и была еще в больнице. И из роддома меня на руках вынес отец (он сделал остановку на один день).

Вот такая единственная встреча с папой была у меня в трехдневном возрасте. Больше я его не видела.

Отец прошел всю войну, погиб 14 июня 1945 года в городе Будапеште, в Венгрии, в звании капитана. Награжден он орденом Красной Звезды, который вручили мне в сентябре 1992 года. Моей маме подержать орденскую книжку не удалось, за неделю до этого

Маргынюк
Валентина Петровна

она умерла.

Также погибли на войне два брата отца: Павел Николаевич, младший лейтенант, погиб в феврале 1945 года в Польше, ему было всего 20 лет; Борис Николаевич погиб в 1943 году в возрасте 23 лет.

Мамин брат Виктор Ермаков погиб в июле 1943 года в возрасте 22-х лет в Курской битве. Он был лейтенантом, заместителем командира роты воздушно- десантных войск.

Отец и три моих дяди с войны не вернулись. Мама овдовела, а я и брат осиротели. Очень тяжело переживала горе бабушка (мать моего отца), у нее на войне погибли три сына.

Жили мы все вместе: мама с детьми и бабушка. Военкомат выплачивал нам с братом пенсию до совершеннолетия. Мама работала в магазине продавцом. Весь ее трудовой стаж (25 лет) в книжке записан одной записью о приеме на работу и увольнении в связи с выходом на пенсию. У нее очень много благодарностей, подарков, избиралась депутатом в городской совет, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Работала она в отделе рабочего снабжения, а там была льгота – бесплатный проезд по железной дороге раз в году в любую точку страны. Поэтому она нас возила ежегодно то в Москву (у нее там жила сестра), то на Украину.

Благодаря этим поездкам мы получали культурное воспитание: ходили по музеям, театрам, к историческим памятникам, постоянно посещали мавзолей и все прелести Кремля и Москвы.

Каждое лето ездили в пионерский лагерь, в Чепцу. Нам там нравилось.

Мамин отец Ермаков Я.И. был тоже железнодорожником. Он почетный машинист, награжден Орденом Ленина.

После окончания школы я работала судебным исполнителем. В двадцать лет вышла замуж, родила трех сыновей.

Проработала десять лет преподавателем кооперативного техникума и двадцать пять лет в торговле, на руководящих

должностях.

Брат Юрий был очень целеустремленным человеком. После окончания школы он уехал в Москву, получил образование и работал в министерстве легкого машиностроения начальником отдела, но в возрасте пятидесяти лет ушел из жизни. Вечная ему память.

Мои дети тоже каждое лето и в зимние каникулы ездили в Москву, в Одессу – родину их отца, т.е. моего мужа. В зимние каникулы в Москве мой брат водил детей на елку в Кремль.

Так что дети тоже получили неплохое воспитание и высшее образование. У всех хорошие семьи, у меня семь внуков и один правнук.

С мужем мы прожили сорок лет. Я вдова уже десять лет.

О детстве остались очень приятные воспоминания: заботливая мать, добрая бабушка.

И вся жизнь прожита не зря. Старший сын осенью 2011 года был в Венгрии, Будапеште, в командировке, Посетил кладбище, где захоронен его дед (мой отец). Но могилу его не нашел.

Привез мне фотографии этого кладбища, так что, рассматривая их, я мысленно тоже бываю там. Вечная память всем погибшим!

Мельцова Р.М.

ЖИВУ ВОСПОМИНАНИЯМИ

Мельцова Раиса Михайловна

Моего отца Бабкина Михаила Петровича я помню плохо, так как он ушел на фронт, когда мне было всего два с половиной года. Но воспоминания мамы, родных и письма с фронта всегда со мной.

Папа родился в 1904 году в деревне Рябово Зуринского района УАССР. А жили мы в городе Верещагино Молотовской (Пермской) области. Отец работал в вагонном депо. Был коммунистом. В 1932 году он закончил партийные курсы и исполнял обязанности секретаря партийной организации Верещагинского вагонного депо. У меня сохранилось удостоверение, выданное секретарем РКВПП(б) № 33-3/70 от 09.05.32 г. Отец был женат дважды. От первого брака у него два сына: Геннадий 1926 г.р. и Николай 1928 г.р. Во втором браке родилась я в 1938 году.

Бабкин Михайил Петрович
и Бабкина Анна Андреевна

В октябре 1941 года отца призвали в ряды вооруженных сил. Сначала он проходил обучение в отряде саперов в поселке Нытве. В конце ноября их отряд был отправлен по железной дороге в сторону Москвы. С декабря 1941 года стали приходить от него письма с передовой фронта, служил он в 26-ой стрелковой дивизии, 87-й стрелковый полк. Обратный адрес был такой: 171-а, полевая почтовая станция 87, Краснознаменный стрелковый полк, саперная рота. Отец погиб 24 марта 1942 года у деревни Капино Лычковского района, Ленинградской области. Похоронку мы получили только в октябре 1942 года. Похоронен он в

братской могиле, в деревне Капино Лычковского сельсовета, Демянского района, Новгородской области.

В войну и послевоенные годы жили мы, как и все, очень плохо, можно сказать, не жили, а выживали. Мама работала в магазине техничкой, где получала копейки. Ели мы траву да гнилую картошку. Средний брат Николай уехал в деревню, к бабушке. Геннадий жил с нами, работал кондуктором на железной дороге. Я закончила восемь классов и пошла работать учеником повара в ресторан на вокзале. Потом добрые люди помогли устроиться на фабрику, где проработала около тридцати лет. По состоянию здоровья пришлось сменить работу. Стала кассиром в столовой, откуда и вышла на пенсию. Моя мама прожила 81 год. У меня был сын Игорь. Он окончил железнодорожное училище и работал машинистом. Два года он воевал в Афганистане, откуда вернулся живым. А вот в сорок семь лет погиб от руки убийцы. Для меня это непоправимое, страшное горе, не дай бог никому испытать такое. Но жизнь продолжается, живу воспоминаниями о своих самых дорогих людях: сыне, маме, папе. Вечная им память!

Мошев Фёдор Трифонович

ОБРЕЧЕНЫ НА СИРОТСТВО

Лядова Людмила – учащаяся школы № 1

Я являюсь правнучкой Мошевых Фёдора Трифоновича и Анфисы Ивановны. Они живут в посёлке Кукетский. Во время Великой Отечественной войны у обоих на фронте погибли их отцы, мои прапрадеды Трифон Иванович Мошев и Иван Степанович Неволин. Деду Фёдору уже восемьдесят лет. Вот что он рассказал мне о своей жизни.

«Родился я в деревне Моши Сепычёвского сельского совета, Верещагинского района, в семье Мошевых Трифона Ивановича и Татьяны Ивановны.

Кроме меня в семье были брат Василий и сестра Елена. В 1936 году наши родители развелись. Мать, забрав Лену, ушла от нас, сестра скоро умерла. Мы с братом остались жить с отцом и дедушкой. В 1942 году отца призвали в армию. Воевал он на Ленинградском фронте. Мы, можно сказать, остались круглыми сиротами. Выживали, как могли. Жили с дедушкой и тётёй. Помню, ходили с братом по деревням и просили милостыню. Однажды зашли в деревню, где жила мать. Она сунула Васе краюшку хлеба, а в дом нас не пустила, т.к. у неё уже была другая семья. Мы ей не смогли это простить и никогда её больше не видели. Надеялись, что отец вернётся с войны, и мы будем лучше жить. Но папа был тяжело ранен, лежал в госпитале, попал в блокаду и умер от ран и голода в 1943 году. Он похоронен на Пискарёвском кладбище Ленинграда. В девять лет я уже начал работать. Был прицепщиком. Приходилось пахать ночами. Я несколько раз засыпал, и меня доставали из-под плуга, чудом не погиб. Уже в 1944 году я научился сам управлять трактором. Так работал до 1950 года. Потом меня позвал к себе дядя Мошев Иван Иванович, который жил в Сибири, в Кемеровской области.

Там я тоже работал трактористом. В 1951 году меня призвали в армию. Служил я на Дальнем Востоке, в тайге, в пограничных войсках. В 1954 году демобилизовался и вернулся на Урал, в

Верещагинский район. Стал жить в посёлке Кукетском. Женился. Сначала работал трактористом в совхозе «Уралец», потом перешёл на железную дорогу, откуда и вышел на пенсию в 1992 году, отработав тридцать семь лет. Живём с женой Анфисой Ивановной уже пятьдесят восемь лет. Вырастили двух дочерей Надежду, Светлану и сына Валерия. Дети нас не забывают, часто навещают, помогают во всём. У нас шесть внуков и семь правнуков. У Василия с женой Анной Семёновной тоже трое детей: Надежда, Николай, Алексей. Брата уже нет в живых. В 1996 году мы с дочерью Светланой ездили в Ленинград, на Пискарёвское кладбище. Долго стояли у могилы папы. Не передать, как я волновался. Если бы он выжил и вернулся домой, возможно, и жизнь у нас с братом была бы другой». Бабушка Фиса тоже выросла без отца. Её папа Неволин Иван Степанович погиб в 1942 году при обороне Сталинграда. Её и двух сестёр вырастила их мама Неволина Анастасия Фёдоровна. Жили тоже очень бедно, испытали и голод, и холод. Бабушка тридцать пять лет отработала воспитателем в Кукетском детском саду.

Дедушка и бабушка живут в частном доме, без удобств. Они очень больные люди. Но несмотря на это, они стараются самостоятельно ухаживать за огородом, готовить себе еду, прибираться по дому. Конечно, мы тоже стараемся к ним почаще приезжать и помогать.

Калинин Григорий Алексеевич слева

НАМ ПРИШЛОСЬ ВСЕМ РАНЬШЕ ВЗРОСЛЕТЬ

Мошева Людмила Григорьевна

Я родилась десятого декабря 1939 года в посёлке Зюкайке Верещагинского района. Мой отец Калинин Григорий Алексеевич-- 1901 года рождения, а мама Мехоношина Наталья Васильевна - 1911 года рождения.

Папа работал председателем колхоза «Уралец» Верещагинского района, воспитывал один сына Юру восьми лет, а у мамы была четырехлетняя дочь. Разница в возрасте десять лет, наличие детей у обоих не помешало создать новую семью. Вскоре на свет появилась я, затем родители снова ждали пополнение в семье. Время шло своим

Калинина Наталья Васильевна справа

чередом. Счастливые годы жизни вдруг остановились, когда началась в 1941 году Великая Отечественная война.

Папа был коммунистом и, имея такую должность, он не остался в стороне. Его отправили на фронт. Шли годы войны, затянувшейся войны, но в стране все надеялись на победу и с нетерпением ждали ее. Сколько было пролито слез всеми нами, ведь мама с тремя детьми и, ожидая четвертого ребеночка, надеялась, что скоро будет все кончено и снова будет мир в стране. Ожидание затянулось. Мама трудилась как все, воспитывала нас, а мы видели и хорошо понимали, как ей было тяжело. Помню, как мы ели лепешки из гнилой картошки, которую собирали на картофельных полях после уборки урожая. Все годы войны мы жили в деревне Захарята, а после того, как объявили о

победе над фашистской Германией, мы переехали в город Верещагино.

В это время брату исполнилось пятнадцать лет, старшей сестре -- одиннадцать, мне -- шесть лет, а младшей сестренке было всего три года. Вот такой дружной семьей мы продолжали жить в Верещагино и надеяться на возвращение папы домой.

За годы войны мама получила всего одно письмо от папы, а позднее нам сообщили, что Калинин Григорий Алексеевич в декабре 1941-го года пропал без вести.

Сколько горьких слез пролито, но надо было жить дальше и надеяться, что он жив. Мама работала, а мы помогали ей, чем могли. Мы жили дружно, собирали ягоды, заготавливали травы, сажали овощи в огороде, помогали по хозяйству маме.

Нам пришлось всем раньше взрослеть, что и помогло нам выжить в эти трудные годы.

А сейчас немного обо всех нас.

Наш единственный брат Юра был железнодорожником. При помощи мамы он поступил в ЖУ №1 и успешно его закончил, получив профессию осмотрщика вагонов. Устроился на работу в вагонное депо города Верещагино и проработал там десять лет. Затем его перевели в Пермь, где трудился до пенсионного возраста и получил звание «Почетный железнодорожник». Вырастили они с женой двух сыновей. К сожалению, брат Юрий и его сыновья умерли рано.

Старшая сестра Аля помогала маме в воспитании нас, младших сестер. Школу закончила и пошла работать продавцом. Родила дочь Татьяну. Поменяла место работы и стала воспитателем в детских яслях. Татьяна окончила среднюю школу №121 и устроилась на работу билетным кассиром на станцию Верещагино. Вышла замуж, родила двух сыновей. В дальнейшем они уехали жить в Пермь. Окончила институт. Сейчас она работает инженером по технике безопасности в вагонном депо города Перми. Первый сын Александр работает на заводе в Перми, а второй сын Станислав отслужил в армии, вернулся домой, устроился на работу и поступил заочно учиться в институт.

У Аллы вторая дочь Ксения закончила школу в Верещагино, в дальнейшем училась в педагогическом институте. Она успешно

работает методистом в детском саду № 2. Вышла замуж за помощника электровоза и воспитывают с мужем сына Ванечку пяти лет.

Средняя сестра - это я. Окончив школу в 1957 году, я поехала учиться в Пермь на пекаря. После окончания учебы устроилась на хлебозавод и проработала там шесть лет. В 1963 г. вышла замуж и мы уехали жить в город Нижний Тагил.

Муж стал работать кочегаром на паровозе. В 1964 году у меня родилась дочь Наташа. Я не работала три года. Жили мы на частной квартире. В дальнейшем муж стал работать помощником машиниста, стал зарабатывать побольше денег, жить стало легче. Через несколько лет он выучился на машиниста паровоза. Радости не было границ, когда мы получили комнату с подселением в трехкомнатной квартире. В Нижнем Тагиле мы прожили десять лет.

Нам пришлось вернуться в Верещагино, так как сильно заболела у нас мама, а ухаживать было некому. Муж продолжал работать машинистом паровоза, а я устроилась приемосдатчиком в товарную контору станции Верещагино.

В 1974 году у нас родилась вторая дочь Марина. Жили мы уже обеспеченно. Старшая дочь окончила Верещагинский кооперативный техникум и была направлена на работу в город Инту бухгалтером. Через десять лет вернулась домой, потом переехала в Пермь, где живет с сыном и работает в казначействе по настоящее время. А мужа она похоронила уже пять лет назад.

Младшая дочь окончила школу и одновременно училась в музыкальной школе семь лет. У нас была возможность приобрести фортепиано и вносить плату за учебу в музыкальной школе. Продолжила учебу в Кудымкарском педагогическом училище, на музыкальном отделении, затем заочно окончила педагогическое училище. В настоящее время живет в Перми.

Мы с мужем прожили вместе уже сорок девять лет, надеемся, что скоро сыграем золотую свадьбу.

Младшая сестра Екатерина жила с мамой в Верещагино и училась до седьмого класса. В четырнадцать лет она уехала к тёте, в город Воркуту. Мама со слезами на глазах все-таки отпустила так далеко свою младшую дочку.

На новом месте сестра продолжила учебу в школе. В 1954 году

окончила десять классов, поступила в педагогическое училище города Сыктывкара. После окончания учебы её направили работать в город Инту. Все было хорошо. Вышла замуж, вырастила двух детей. Ее дочь Ольга уехала учиться в Санкт-Петербург, воспитывает сына, которому одиннадцать лет. Ее сын Александр живет в Инте. Вырастили двух дочерей, которые закончили институты и получили высшее образование. Муж Екатерины рано ушел из жизни, в пятьдесят лет. Свою жизнь она посвящает детям и внукам.

В настоящее время мы, три сестры, живем, общаемся и вспоминаем прожитые годы: детство, юность, годы войны, послевоенный период и сегодняшние дни. Але – 78 лет, мне – 72 года, Екатерине – 70 лет.

Мы благодарны маме, которая ушла из жизни в шестьдесят четыре года, но смогла нас так сильно сплотить и пережить вместе с нами все невзгоды, а также научила нас жить честно, трудиться на совесть и быть дружными.

Дочери Калинина Г.А.

Мои родители: Павел и Анастасия Овченковы

Ждали отца долгие годы Овченкова Эмма Павловна

Мой отец Овченков Павел Макарович родился в 1915 году. Он уроженец города Верещагино, где и женился на моей маме – Панаевой Анастасии Лукиничне. Работал он в Верещагинской милиции.

Я папу не помню.

Но, по словам мамы, он приходил с работы и сразу брал меня на руки, так как я была самая маленькая. Мама говорила, что он очень меня любил.

Овченкова Эмма Павловна

Как-то раз он сопровождал заключенного в Пермь. Во время поездки они разговорились, заключенный вошел к нему в доверие и на остановке попросил отца отпустить его в магазин за сигаретами. Он его отпустил, а заключенный сбежал. За побег подконвойного папу в наказание отправили в штрафбат. Воевал он на Украине, был смертельно

ранен и похоронен в Сумской области, селе Нижняя Сыроватка. После ухода отца на войну вся тяжесть жизни легла на плечи мамы и нас.

Нас у мамы было трое: старшая сестра Зина – 1938 г., брат Анатолий – 1939 г., я родилась в 1940 г. Маме всего было двадцать пять лет – и трое маленьких детей. Я её очень понимаю. Ее молодость и нищета. Нужно было нас кормить, одевать, где это было взять, денег нет. Мама работала на хлебокомбинате. Когда хотелось кушать (а кушать хотелось всегда), я надевала мамины туфли на каблуках, так

как своей обуви не было, и шла к ней на работу. Она тайком даст кусок хлеба и кружку кваса, поем и, чтоб никто не видел, отправит домой. Взять что-то с работы ей нельзя было. Если бы заметили, сразу бы под суд попала. Если кто-нибудь угостит ее конфеткой, принесет нам и разделит всем пополам. Чтоб получить какие-то деньги, она сутками работала.

Мы были предоставлены сами себе. Когда мне было шесть лет, мама отдала меня нянчить ребенка. Мне было очень трудно, хотелось на дворе побегать, а тут маленький ребенок. Он плачет, и я с ним. Так до школы и нянчила чужого ребенка. В школу пошла с восьми лет. Мама нам с сестрой сшила форму из какой-то мешковины. Пальто пошила мне из папиных брюк. А зимы были очень холодные. Мама не в состоянии была купить нам обувь. Однажды приобрела нам одну пару резиновых сапог. Мы носили их попеременно. Кто ходил в школу в первую смену, спешил домой, снимал сапоги, а другой подхватывал, одевал и бежал в школу, и так каждый день. Эти двое менялись, а третий шел в школу в каких-нибудь оборванных ботинках. Морозы были за сорок градусов. Пока до школы дойдешь, резиновые сапоги полопаются, и что под ними на ногу намотано, все видно снаружи. Мама от безысходности плакала, все время говорила: «Потерпите еще немного». Но это немного продолжалось очень долго. Летом, когда мне шёл тринадцатый год, пришлось работать на кирпичном комбинате. Это тоже адский труд для ребенка. Мы у мамы очень рано пошли работать, нужда заставляла, чтоб облегчить как-то положение. Долгие годы ждали отца, думали, может, ошибка получилась с похоронкой. Мечтали, как встретимся с папой, в воображении представляли, какой он из себя. Но это все осталось в детских мечтах.

У нас не было детства, мы были «безотцовщиной». На своих детских плечах чувствовали какой-то гнет, который прижимал к земле. За гибель отца, который погиб за Родину, мама получила только похоронку. Никакой помощи со стороны государства не было. Мы не жили, а выживали. Каждый новый день был испытанием.

